

АБСОЛЮТНОЕ
ОРУЖИЕ

ВАСИЛИЙ ГОЛОВАЧЁВ

ПАРАНОРМЫ-1

Абсолютное оружие Василия Головачёва

Василий Головачев

Паранормы

«ЭКСМО»

2020

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Головачев В. В.

Паранормы / В. В. Головачев — «Эксмо», 2020 — (Абсолютное оружие Василия Головачёва)

ISBN 978-5-04-199986-5

Есть времена, когда люди берут в руки оружие, чтобы победить врага. А есть – когда сами они превращаются в оружие. Слиперы – паранормы, способные переселяться в сознание противников и программировать их в своих целях. Война за будущее России становится невидимой, неосязаемой, но оттого не менее жестокой и беспощадной. Молодой парень из глубинки по имени Нестор, обладающий сверхвозможностями и обостренным чувством справедливости, неожиданно для себя оказывается солдатом этой войны.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-04-199986-5

© Головачев В. В., 2020
© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	29
Глава 6	35
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Василий Головачев

Паранормы

Автор предупреждает, что все имена и события в книге вымышлены, любые совпадения с реальностью – чистая случайность.

Глава 1

Зигзаг

Дорога пошла под уклон.

Нестор привычно сбросил скорость и внезапно обнаружил, что тормоз не действует! Как он ни нажимал на педаль, его скромная «Рено Аркана» серебристого цвета продолжала увеличивать скорость, а когда трасса вильнула влево, отказал и руль. Машина слетела в кювет и врезалась в пень, выросший перед ней сказочным великаном.

Нестор ухитрился нырнуть в сорванную могучим ударом дверцу, не успев понять, как это произошло, и его вынесло к стене колючего кустарника, исцарапавшего лицо. Пролетев сквозь эту стену, он оказался почему-то в библиотеке: ряды книжных шкафов не позволяли усомниться, что это в самом деле библиотека, освещённая тусклой свечкой, одиноко стоящей на столе.

Налетев на стул, Нестор закрутился волчком, и его подхватили под руки две тёмные фигуры. Напротив выросла ещё одна фигура в чёрном плаще с капюшоном, и на Нестора глянул зрачок пистолета.

- Ты приговорён к смерти! – раздался гнусавый голос.
- За что?!
- За несанкционированное подавление.
- Но я никого... не подавлял.
- Вспомни Дениса! Зачем ты использовал свою силу, не имея на это права?

Нестор подумал о сыне Анны Матвеевны, с которой вместе работал в нотариальной конторе. Он действительно помог двенадцатилетнему мальчишке избавиться от приставаний одноклассника, хотя об этом не мог знать никто. Свидетелей не было.

- Я хотел... решить проблему... не доводя её до полного негатива.
- Ты не имел права раскрывать свои способности. Умри же за это!

Палец палача в чёрном сдвинул курок пистолета, но за мгновение до выстрела Нестор сконцентрировался, «вылетел» из себя, «прыгнул» в голову убийцы, и тот выстрелил... в тех, кто держал Нестора под руки.

Сознание помутилось, ныряя в бездну тьмы... и парень проснулся на краю постели, в поту, свесив затёкшую ногу.

Полежал с минуту, приходя в себя, успокаивая сердце и гадая, что хотело сказать ему подсознание, о чём предупредить. Вспомнил инцидент, о котором заговорил палач в чёрном плаще.

Вся эта вполне житейская история случилась несколько дней назад. На работе он (а служил Нестор Безоружный уже пять лет как в нотариальной конторе Величко) поинтересовался причиной плохого настроения у коллеги, тридцатилетней Анны Тарасовой, и та призналась, что серьёзно расстроена. У симпатичной матери-одиночки был сын Денис, ученик шестого класса. Его, как оказалось, вот уже второй год подряд третировал одноклассник по имени Лёва, сын начальника полиции Южи. Этот Лёва был переведён в класс Дениса из другой школы

по причине скверного характера и воспитания и сразу невзлюбил тихого очкарика, не способного дать сдачи.

Провожая одноклассника до дома, он издевался над ним разными способами, а иногда просто колотил, будучи не по возрасту крупным, хотя и немускулистым. За выдающийся живот и толстый зад его втихую дразнили Боровом, что только добавляло злобы в его отношение к сверстникам.

Анну Матвеевну (все в конторе звали её Анютой) Нестор уважал за доброту и отзывчивость, поэтому её слёзы подействовали на него сильно. Выслушав коллегу, он вызнал подробности конфликта и внезапно для себя самого решил помочь, тем более что мужа у Анны Матвеевны не было и воспитывала она сына одна.

Школа располагалась на площади Ленина: жёлтое трёхэтажное здание, в левом крыле которого имелась столовая. Нестор отпросился у начальницы конторы Натальи Степановны Величко, шестидесятилетней дамы с седыми локонами, и подогнал машину к школе к двум часам дня. Приоткрыл окошко, сосредоточился на подготовительном ритуале сродни медитации, помогавшем ему создавать то, что он сам называл «мысленным нокдауном». Он очень удивился бы, узнав, что феномен имеет научное объяснение и прячется под парой терминов, таких как «индивидуальное психотронное воздействие» и попроще – «засос» или «подвал». Словечко «засос» являлось сокращением слов «затмение сознания», а «подвал» – «подавление воли».

Громко прозвенел звонок, означающий конец урока, и через несколько минут на крыльце школы высыпала толпа учеников, порождая бурю весёлых воплей.

Вышел и Денис Тарасов: высокий худенький паренёк с соломенными волосами, в очках, с рюкзаком за спиной. А вслед за ним потопал и Лёва Шмалько. Дождавшись, пока объект его издевательств немного отойдёт от школы (Денис с матерью жили в квартале от неё, на улице Пушкина), Лёва – здоровенный не по годам бугай ростом чуть ли не под метр семьдесят, с покатыми плечами, толстозадый, толстопузый и толстомордый, привыкший к тому, что ему всё сходит с рук благодаря должности отца-полковника, догнал мальчишку и с ходу толчком в спину отправил его с тротуара на проезжую часть.

К счастью, водитель внедорожника «ниссан», едущего по улице, успел затормозить, и Денис под колёса автомобиля не попал.

Дальнейшие события развернулись в течение минуты.

Нестор «прыгнул», и его сознание овладело сферой мышления драчуна, не успевшего сообразить, что происходит.

Восприятие информации, запасённой памятью реципиента, и уяснение главных приоритетов поведения мальчишки стало делом нескольких мгновений. Нестор успел за это время и понять его характер, и осознать правила жизни семьи Шмалько (полное пренебрежение к судьбам окружающих), и определить алгоритм воздействия на его психику.

Проще всего было бы поставить блок в подсознании мальчишки на негативное отношение к Денису. Однако Нестор поступил чуточку иначе. Он не только соорудил блок «антизла», но и заставил Лёву при всех подойти к Денису и попросить прощения, что буквально вызвало у свидетелей, знавших нрав малолетнего агрессора, ощущение разорвавшейся бомбы. Ещё никогда и ни у кого Боров прощения не просил!

Вернувшись в своё тело, Нестор посидел в машине, наблюдая за детьми, живо обсуждавшими родившуюся на их глазах сенсацию, проводил глазами Дениса, вряд ли понимавшего, что произошло, и поехал на работу...

Сон с предупреждением приснился ему на следующую ночь, заставив молодого человека (двадцать восемь лет, за плечами институт лёгкой промышленности в Иванове, женитьба, короткая семейная жизнь, закончившаяся отъездом жены с любовником в Европу, мастер спорта по бегу на длинные дистанции, рост сто восемьдесят пять, скучаст, глаза серо-голубые)

задуматься о причинах столь экстравагантного ментального послания. Однако предпосылок к предупреждению он не нашёл и успокоился, подумав, что просто перенервничал после разговора с Аньютой, приняв её переживания как реально случившееся с ним самим.

Способности мысленно-волевым усилием выходить из тела и внедряться в сознание собеседника или вообще в любое живое существо проявились у Нестора пять лет назад, после того, как он попал с товарищем в ДТП и чуть не утонул: машина упала с обрыва в реку, а её водителя и пассажира выловили из воды не сразу. С тех пор Нестор научился «затемнять сознание» людей, читать их мысли (после внедрения) и диктовать свою волю.

Разумеется, он не афишировал свои новые умения, справедливо полагая, что на него станут глядеть косо не только друзья, но и правоохранительные органы. Хотя не раз приходила мысль обсудить приобретённые способности с отцом, интересующимся проблемами выживания в экстремальных ситуациях; старший Безоружный, Евлампий Калистратович, работал в Иванове научным сотрудником отделения Российской географического общества.

Спать расхотелось окончательно, хотя шёл только шестой час утра.

Нестор привычно освободился от стресса, порождённого необычным сном, восприняв его не как угрозу, а как вызов, проанализировал план действий на весь день и приступил к выполнению первого пункта – медитации, восстанавливающей бодрость мыслей и мышц.

В шесть часов утра он извлёк себя из пространства «отсутствия мыслей» и занялся «совершенствованием скелетно-мышечной системы организма». То есть – сто раз отжался от пола, сто раз присел, держа спину абсолютно прямо, сто раз поднял (нагрузка на бицепс) восьмикилограммовые гантели. Качком с гипертрофированно развитыми мышцами он не был, зато идеально поддерживал суплес, выглядел жилистым и гибким, и редкие женщины не задерживали на нём взгляд, когда он шёл по улице, хотя сам относился к этому совершенно индифферентно.

В половине седьмого закончил «заряжаться», приготовил завтрак: омлет с помидорами, чай с розмарином, бутерброды с мягким турецким сыром «Beuyaz». До восьми часов читал философские труды Сухоноса «Вселенская сила нравственности» и поехал на работу; не на машине – на велосипеде. Это было не только модно, но и полезно для здоровья.

Ровно без одной минуты девять он вошёл в офис, расположившийся в полуподвале пятиэтажного жилого дома на улице Вокзальной. Контора Величко переехала сюда год назад и успела обжиться, оценив тишину и спокойствие данного городского района.

Соседка по комнате, та самая Аньута, уже сидела на рабочем месте, деловито раскладывая документы по столу. Она занималась вопросами наследования, в отличие от Нестора, являвшегося специалистом в области соблюдения правовых норм, и очередь посетителей к ней всегда была больше, чем у него.

– Ой, слушай, что произошло! – воскликнула Анна, поправляя локон причёски; волосы она красила в ярко-рыжий со светлыми прядями, такой цвет назывался блоранж и в сочетании с медового цвета глазами Аньюты делал её симпатичней. Хотя Нестор предпочитал чистых, в смысле цвета, блондинок.

– Да, и что же? – спросил он, уже зная, о чём пойдёт речь.

– Денисик рассказал, – затарапорила женщина, поведав ему историю вчерашнего инцидента с Боровом. – Представляешь?! – закончила она удивлённо. – Не понимаю, что на него нашло. Ведь бандит бандитом!

– Может, получил внушение от папаши, – предположил Нестор с преувеличенной задумчивостью. – Либо начал взросльть и умнеть, испугавшись, что может покалечить твоего Денисика.

– Ой, вряд ли, – всплеснула руками Аньута. – Такие мальчишки с такими родителями не считаются ни с кем!

Нестор сел, начиная разбирать свои дела.

Вошёл еще один их коллега, Пётр Еремеевич Калугин, интеллигентного вида, в костюме с галстуком, которые не снимал даже в летнюю жару. Он носил очки с модным нынче вижн-гаджетом, заменившим мобильный телефон. Они вместе с седоватой бородкой, причёской «бой-энд-гёль», строгим тёмно-коричневым, в полоску, костюмом и летними брюками с перфорированным верхом превращали пожилого мужчину в представителя Академии наук или, в крайнем случае, водителя крупного чиновника.

– Приветствую, Анна Матвеевна, – тенорком проговорил он, целуя женщине руку. – Приветствую, Нестор Евлампиевич. Как вам погода?

– Погода прекрасная, – улыбнулась Анюта, привыкшая к ритуалу; рабочий день Калугин начинал всегда с одной и той же фразы. – Меня едва не сбила машина без водителя. Терпеть ненавижу эти киберштучки! Если живому водителю можно предъявить претензии, то к железяке за рулём – бесполезно!

– Вы правы, – согласился Пётр Еремеевич вежливо. – Однако нам ещё крупно повезло, что мы живём в эпоху, предшествующую появлению искусственного интеллекта и поголовной чипизации. Нашим внукам будет очень сложно доказывать свою правоту компьютеру. Не так ли, Нестор Евлампиевич?

– Совершенно с вами согласен, Пётр Еремеевич, – не менее вежливо сказал Нестор, и в самом деле склонявшийся к точке зрения коллеги. – Я вообще считаю, что следствием развития цифровых технологий станет создание гиперсети машинного разума, при которой человеку будет отведена лишь роль не имеющей собственной воли клетки.

– Отлично сформулировано! – кивнул Калугин одобрительно. – Скажу больше: мы живём в эпоху распада старой цивилизации и зарождения новой, полностью лишенной духовности и нравственности. Всё начинает зависеть от алгоритмов, вскоре они начнут следить за каждым нашим шагом, каждым вздохом и каждым сердцебиением. Мы ещё будем тосковать по добрым старым временам, когда виртуальный мир был отделён от реального.

– Но это же возмутительно! – воскликнула Анюта.

– А кого в наших властных структурах это волнует? – пожал плечами Калугин. – Они первыми проголосуют за новый порядок, лишь бы он позволял им оставаться у власти.

– Их же тоже уволят…

– К сожалению, мало кто из чиновников это понимает. Их сократят в первую очередь, когда интерфейсы «мозг-компьютер» сотрут границу между электронными устройствами и органическими телами. Кстати, мгновенно умрут многие профессии.

– Какие?

– Юристы, к примеру, финансовые аналитики, – Калугин подумал, – врачи, бухгалтеры, библиотекари.

– Врачи не исчезнут.

– Ошибаетесь, нас станут лечить компьютеры.

– А мы останемся?

– Скорее всего, и нотариусы исчезнут как класс вместе с юристами.

– Какой вы сегодня позитивный, Пётр Еремеевич, – рассмеялась Анюта, находясь в приподнятом настроении после инцидента с Денисом.

Улучшилось оно и у Нестора, неожиданно для него самого засомневавшегося в правильности своего вмешательства в ситуацию. Хотя он до сих пор не мог объяснить свой странный сон с «палачом» в чёрном и приговором.

Пётр Еремеевич ушёл, пожелав коллегам хорошего дня.

Но через минуту в комнату впорхнула ещё одна сотрудница конторы, двадцатипятилетняя Валентина Холина, красавица и модница, нередко щеголявшая в откровенных нарядах. Но специалистом она была хорошим, с делами разбиралась быстро, и коллеги терпели легко-

мысленную брюнетку с пышными формами, относясь к ней кто с понимающей улыбкой, кто с осуждением, кто снисходительно, как тот же Калугин.

Вот и сейчас она ворвась в комнату потоком летней свежести (погода стояла отнюдь не осенняя, температура воздуха доходила до двадцати восьми градусов), говорливая и смеющаяся, одетая в модный белый, с тонким рисунком костюм отечественной фирмы «Врубашке» из материала букле и туфли от Taccardi. Волосы она взбивала волной по моде «ирокез», носила в ушах красивую геометрическую коллекцию из металла и кристаллов кварца, а ногти у Валентины вообще представляли собой произведение искусства, так как её подруга, известная художница, мастер маникюра Юлия Ведард, копировала на них картины великих художников мира – Ван Гога, Дега и других. Получалось очень оригинально и свежо, и даже хозяйка конторы чопорная Наталья Степановна, сначала принявшая увлечение сотрудницы в штыки, согласилась с мнением остальных служащих, выраженным словами «шикарная экзотика!».

– Ой, чуть не опоздала! – сообщила Валентина, сияя серебристой помадой на губах. – Байкера на углу Первой Заречной сбила какая-то жуткая тачка и уехала, даже не притормозив!

– Он хоть жив остался? – полюбопытствовала Анюта.

– К нему народ сбежался, ждут «скорую».

– Рассмотрели, кто был за рулём?

– Говорят, кавказцы.

– Вот гады! – покачала головой Анюта. – Уже и у нас прописались.

Нестор вспомнил свой первый опыт «подвала», произошедший четыре с лишним года назад в Москве.

Пролежав в больнице Южи неделю после ДТП, Нестор поехал на консультацию психиатра в московский психоневрологический диспансер № 3 возле метро Тушинская, чтобы убедиться в своём психическом здоровье (новые возможности тогда действительно пугали), и стал свидетелем конфликта между водителями двух автомашин: «Жигули-пятёрка» с дагестанскими номерами подрезала «Фольксваген-Джетту», за рулём которой находилась молоденькая девушка-водитель. Ехала она с подругой и ничего противозаконного не делала. Зато «джигиты» за рулём убитых донельзя «жигулей» были настроены иначе. Так получилось, что Нестор в этот момент пересекал улицу Циолковского и видел всё в подробностях. Лишь на следующий день стали известны имена «гостей столицы», уверенных в своём превосходстве и потому не боявшихся ни прохожих, ни общественного мнения, ни полиции: Анзор Мадагов, Баграт Качаев, Замир Исаев и Камаль Мамедов.

В принципе, событие казалось рядовым, и смуглолицые «джигиты», едва не устроив ДТП, могли уехать, не доводя ситуацию до конфликта. Однако они оказались автоподставщиками (об этом красноречиво говорила их «супертачка», усеянная вмятинами от мелких столкновений) и ни о каких компромиссах не помышляли. Все четверо выскочили из машины и начали поносить сидящих в «вольксвагене» девушек, оскорблять их и угрожать.

Мимо в этот момент проезжал байкер на мотоцикле класса «Эндуро», но остановился, услышав крики и мат, и попробовал урезонить разгорячённых «джигитов». Это привело молодцов в ярость, двое вытащили из багажника бейсбольные биты, начали крошить байк и избивать мотоциклиста, первыми же ударами разбив ему шлем и сломав руку.

Решение вмешаться возникло у Нестора спонтанно, после того как один из наиболее агрессивных молодых людей ударил девушку-водителя, пытавшуюся вступиться за мотоциклиста. Так как Нестор находился в машине, ему не надо было специально готовиться – искать тихое место или какое-нибудь убежище: в момент перехода сознания в чужую голову его тело естественно теряло способность мыслить и замирало. Поэтому виртуальный прыжок «псисферы» в мозг «джигита» почти не отразился на положении Нестора: он просто откинулся на спинку водительского сиденья и «заснул». Само же внедрение в мозг молодчика заняло долю

секунды, и осознавший себя хозяином чужого тела Нестор начал командовать им как своим собственным.

Первым делом он с удовольствием перетянул битой напарника, избивавшего мотоциклиста: от удара по голове тот с криком завертелся волчком и рухнул под свою машину.

Вторым ударом – по плечу – Нестор остановил его соседа, затем от души врезал ему по спине, заставив с воплем отступить.

Но так как ни борьбой, ни боксом, ни воинскими искусствами Нестор тогда не занимался, хотя и выглядел спортивным, то не знал ни приёмов боя, ни принципов уличной драки. Четвёртый член банды не стал ждать, когда «сошедший с ума» приятель звезданёт его, и ударил Замира по затылку, практически оглушив парня.

Естественно, получил «сдвиг по фазе» и Нестор, находясь в голове «джигита», почувствовав такую же боль. Какое-то время он неумело отмахивался битой (отмахивался конечно же её владелец, смуглолицый Замир, Нестор лишь командовал его телом) от озверевшего приятеля, но получил куском бордюра по челюсти и вернулся, оглушенный, в своё родное тело.

Драка закончилась.

К толпе, окружившей «джигитов» и их жертвы, подъехала полиция, начался «разбор полётов», мотоциклист и девушки из «фольксвагена» хотя и пострадали, но остались живы, и Нестор, пришедший в себя в машине, поехал прочь. С тех пор он занялся боевой подготовкой под руководством приятеля отца Трофима Игнатьевича Сокола, наставника и тренера сборной Подмосковья по боевому самбо. Правда, драться и доказывать свою правоту кому бы то ни было с помощью кулаков он по-прежнему не любил.

За истекшие с того памятного момента годы он не раз становился свидетелем криминальных разборок, а также отвратительного отношения чиновников к людям, особенно на бытовом уровне, но в инциденты вмешивался крайне редко, несмотря на то что затемнением сознания и подавлением чужой воли научился владеть почти так же свободно, как дыханием. Не увлекаясь ни политикой, ни соцсетями, он полагал, что контролем законности в стране должны заниматься соответствующие структуры уровня МВД и ФСБ. Однако иногда душа бунтовала, видя беспредел чиновного, бандитского или властного люда, и требовала справедливости. Тогда он вмешивался, надеясь, что о его способностях никто не догадается и не узнает…

Пошли посетители, соблюдавшие давно заведённый (после окончания пандемии коронавируса) порядок: социальная дистанция, маски, никаких рукопожатий, измерение температуры. До вечера Нестор проконсультировал восемь человек и обрадовался, когда рабочий день закончился. Позвонил другу, Стасу Ревенко, капитану экраноплана южской Рыбинспекции. Стас находился в отпуске и предлагал рано утром в субботу сходить в Балинский лес за клюквой.

– Договор в силе? – спросил Нестор, нацепив очки с вижн-гарнитурой, позволявшей видеть лицо абонента так, будто тот стоял перед ним.

Стас, загорелый, с выгоревшими соломенными усами, улыбнулся.

– К нам хочет присоединиться Ксюша Форнасова, с мужем, помнишь такую?

– Наша соседка. – Перед глазами Нестора соткалась фигурка девушки, дом которой стоял на окраине Южи, где они когда-то, ещё до переезда семьи Нестора в новый дом, жили бок о бок.

– Она работает и живёт в Иванове, но приехала в отпуск к родителям и нашла меня.

– Ты когда-то за ней…

– Бегал, – белозубо засмеялся Стас. – Но пути наши, к сожалению, после школы разошлись. Может, это и к лучшему, но я очень хочу посмотреть на её избранника.

– Кто он?

– Говорит, майор полиции, зовут Костей.

– Вообще-то я не жажду компаний…

– Дружище, я ей уже пообещал, – смущённо шмыгнул носом Стас.

– Ладно, уговорил. Как поедем? На моей «реношке» или на твоём бомбовозе? – Нестор имел в виду «Джип Патриот», на котором ездил друг.

– Ксюша предлагает ехать на их тачке, у них «Порше Кайенн».

– Солидный аппарат. Хорошо наверно зарабатывают полицейские в Иванове, крышуя коррупционеров.

– Ну не все же они крышуют, нынче в полиции служат и честные ребята.

– Ехать надо пораньше, чтобы в лесу быть уже на рассвете.

– Заедем за тобой часов в пять, встанешь?

– Разбужу тебя в три, – пообещал с улыбкой Нестор, прекращая разговор.

Размыслия о том, зачем Стасу понадобилось брать с собой соседку, в которую был влюблён в юности (неужели старое чувство проснулось?), он попрощался с коллегами и поехал домой, не зная, как круто вскоре изменится его размеренная жизнь.

Глава 2 Провал

Подготовка к операции длилась полгода. Предусмотрели всё, что только можно было предусмотреть, даже нейтрализацию свидетелей возможного конфликта, только не того, что случилось на самом деле.

Целью операции была нейтрализация председателя Комиссии польского Сейма по вопросам спецслужб Марека Мацаревича. Нейтрализация вовсе не означала физического устранения указанного деятеля, яростного русофоба, но он должен был уйти со своего поста, так как являлся главным инициатором создания на территории Польши американской военной базы. Его слово должно было стать решающим в этом деле, потому что остальные деятели, имеющие политический вес, такие как министр обороны, министр иностранных дел, командующий Войском Польским и сам президент, практически дали своё согласие.

Местом расположения базы (ей даже успели дать название – Форт Трамп) предполагался военный комплекс в небольшом городке Хоцно Западно-Поморского воеводства, недалеко от Щецина. Сам городок был действительно невелик, в нём проживали всего шестнадцать тысяч человек. Но военная база имела свой аэродром, её контингент включал три авиаполка и полк РЭБ, а кроме того, под землёй прятался ещё и центр военных исследований под командованием полковника Яцека Матерняка.

Конечно, переоборудование базы требовало немалых финансовых вложений, по прикидке – до пяти миллиардов долларов, однако президент Польши Яков Дурда пообещал вложить в неё «кровные» два миллиарда, и теперь оставалось только подтвердить его решение, что и должен был сделать господин Мацаревич, генерал, бывший разведчик и советник президента, проповедовавший политику двойных, а нередко и тройных стандартов, особенно в отношении России, её руководства и народа.

Охотились за ним с использованием всех новейших средств разведки и связи, в том числе – с помощью нанотехники, поэтому знали о передвижениях и замыслах генерала всё. Но главное было выбрать место для операции «засоса» (так в просторечии сотрудники отряда «Призрак» в недрах российской Службы специального назначения ГРУ называли технологию «затемнения сознания»), и когда стало известно о встрече Мацаревича с делегацией военных США в Хоцно, аналитики «Призрака» предложили командованию этот вариант, несмотря на его кажущуюся нелогичность. Такие встречи обычно хорошо охранялись, к встречающимся невозможно было подойти на близкое расстояние, и именно поэтому нападение вроде бы было невозможно, что усыпляло бдительность охраны.

Исполнителем же операции должен был стать Владимир Даманский, тридцатитрёхлетний спиллер, как называли таких специалистов, один из самых секретных сотрудников спецслужбы «Призрак», о деятельности которой знали в России всего три человека помимо руководства ГРУ.

Встреча польской и американской делегаций была намечена на седьмое сентября в кафе «Буяк» на Пляц-Яна-Павел II в Хоцно, после чего американцам планировалось показать базу с её коммуникациями и доставить их в аэропорт Щецина.

Даманский, обосновавшийся два месяца назад в Хоцно под видом бармена кафе «Буяк» (совпадение намерений поляков и руководителей ГРУ сочли счастливым предзнаменованием), завёл себе приятелей и подозрений не вызывал. По матери он являлся австрийцем, по отцу – польским евреем, знал польский язык как родной и благодаря своим способностям «затемнять сознание» сумел убедить польскую контрразведку в том, что он «свой». Во всяком случае, по документам он был перед властями абсолютно чист.

В двенадцать часов дня по местному времени к зданию кафе, имевшему вид стаинной корчмы, подъехали четыре автомобиля: два сине-белых полицейских «форда», кроссовер «БМВ Х6» и «мерседес». Это прибыли польские функционеры во главе с Мацаревичем, щеголявшим зачем-то в генеральской форме. С ним выбрались из внедорожника начальник исследовательского центра Яцек Матерняк и начальник базы в Хоцно генерал Дариуш Махульский, в отличие от Мацаревича одетый в гражданский костюм.

Матерняк напоминал медведя своей сутулой фигурой, округлостью, размерами и волосятостью. Сорокапятилетний Махульский был мал росточком и походил статью на известного актёра, игравшего в фильме «Потоп» пана Володыевского.

Площадь вокруг кафе была взята под видеоконтроль ещё с раннего утра, и ничто не предвещало каких-то серьёзных инцидентов с жителями Хоцно, не раз выходившими к зданию мэрии с требованием убрать военную базу подальше от городка. Американцев здесь не любили, потому что бравые янки, небольшой контингент которых прибыл в Хоцно ещё год назад, не единожды устраивали пьяные дебоши и увозили к себе местных девушек.

Гости расположились в центре главного зала кафе, заняв два столика. Им принесли напитки, а бармен – Даманский, которого здесь знали под именем Станислава Ружаньского, предложил компании холодного ягодного морса; день выдался жарким для первой декады сентября, и с утра температура воздуха медленно, но уверенно приближалась к плюс тридцати градусам Цельсия.

От морса не отказался никто.

Через десять минут подъехали ещё две автомашины: чёрный внедорожник «Тойота Мега Крузер» и пятнистый гигант «Хаммер Н1». В кафе вошли представители американских военных в сопровождении посла США в Польше Роберта Болдуина, внешне похожего на благостного, украшенного благородной сединой священника.

В кафе сдвинули столики, и делегаты с обеих сторон, позволившие себе дежурные шутки и фальшивые улыбки на тридцать два зуба, расселись друг против друга. Приветственную речь произнёс Мацаревич, оценив встречу как «событие планетарного масштаба, призванное сдерживать агрессивные замыслы соседа – России».

Наступил момент истины: Даманский был готов выполнить свою миссию.

Вариантов было два.

По первому слипер мог внедриться в сознание главного американского переговорщика, коим являлся посол Болдуин, и заставить его оценить состояние базы как неудовлетворительное, что наверняка повлияло бы на сроки переезда в Хоцно американского контингента со всей его техникой.

Второй вариант предусматривал скандал, который должен был устроить сам Мацаревич, найдя для этого удобную причину. Данный вариант «засоса» был сложнее первого и не столь надёжен, поэтому Даманский избрал первый – с зомбированием посла.

Процедура включения «засоса» или «подвала» казалась простой только на первый взгляд. Оператор-сенситив, он же слипер, собирая свою мысленную сферу в подобие снаряда и вгоняя его в голову человека, которого надо было запрограммировать. Этот «снаряд» блокировал сознание жертвы, считывал всю его память и мысли и заставлял реципиента выполнять команды «внедрителя» как свои собственные, жёстко кодируя мозг жертвы на любое действие, вплоть до насилия, убийства, предательства, террористического акта и даже самоубийства. Чтобывшённая программа начала работать, нужно было создать точку отсчёта, спусковой код, которым мог стать набор цифр, звуки, картинка, фото или конкретная ситуация. Снять же этот код мог только сам слипер, для чего ему необходимо было ещё раз встретиться с закодированным.

Однако операция с участием Даманского не рассчитывалась на повторные контакты, и он собирался установить ментальный «датчик» временной задержки нейтрализации кода, заключившийся в желании посетить туалет.

Но существовал ещё один тонкий нюанс в работе слипера – его положение в момент атаки. Он как личность переставал существовать, поскольку его «я» внедрялось в сознание другого человека. И если бы в этот момент его увидели окружающие, могли бы подумать о чём угодно, только не о том, что случилось на самом деле. В стандартной ситуации первое, что пришло бы в голову свидетелю: человеку плохо, у него сердечный приступ и он потерял сознание! Люди наверняка кинулись бы к нему на помощь, а в случае проведения операции это стало бы провалом, и слипер могли захватить в плен. Поэтому ему нужен был охранник, который в момент «засоса» оставался бы рядом с телом оператора и следил, чтобы к нему никто из посторонних людей не приблизился.

Альтернативой охране был выбор места для акции внедрения с таким расчётом, чтобы слипер мог оставаться незамеченным на время «перехода», что давало ему возможность вернуться в родное тело, а потом спокойно покинуть убежище.

Конечно, и на этот раз можно было пойти по первому пути: встретить делегацию, прыгнуть в голову Мацаревича или посла, запрограммировать их и вернуться обратно, хотя при этом наверняка поднялась бы суматоха, так как Даманский должен был на эти пять – десять минут потерять сознание. Но аналитики «Призрака» решили иначе, и слипер согласился с их предложением «затемнить» сначала кого-то из obsługi кафе, чтобы тот покараулил «спящего» бармена в укромном месте, в подвале кафе или возле холодильной камеры.

Даманский так и сделал: увлёк в подсобку одного из грузчиков заведения по имени Вацек, пузатого, кряжистого, молчаливого и покладистого, ввел его в состояние «подвала», сидя на ящиках с пивом, вернулся в себя, и оба отправились в зал к ничего не подозревающим клиентам. Став в двери так, чтобы видеть американского посла, Даманский прыгнул в него «пулей» ментального воздействия и в течение пары секунд завладел сознанием джентльмена, слушающего речь Мацаревича.

Естественно, оставшись без мыслящего субъекта, тело Даманского стало безвольным, но упасть ему не дал Вацек, запрограммированный на определённые действия. Он подхватил падающее тело слипера, отступил в коридор за дверью и отнёс его в подсобку, не встретив ни одного работника кафе; все они в данный момент сутились в зале и на кухне, ожидая заказов важных гостей.

Времени для кодирования посла Даманский отвёл себе не более семи минут. После этого Вацек должен был отнести его обратно из подсобки в зал, где Даманский собирался вернуться в собственную голову.

Такой способ внедрения в реципиента был весьма неудобен, однако Даманский так и не научился выходить «из себя» вдали от жертвы, на большом расстоянии. Такими способностями обладали очень немногие слиперы, однако Даманский был не из их числа.

Оказавшись в голове Болдуина, он привычно освоился со своим положением, полистал память посла, определил его слабые и сильные стороны и принял вводить в подсознание клиента программу «подвала», по которой посол должен был действовать после того, как оператор покинет его мозг.

В программу входили три команды: первая – осмотреть базу и выявить её недостатки, вторая – придраться к какой-то особо неприятной мелочи, затеять скандал с оскорблением польских чинов и третья – убраться в свою резиденцию в Щецине с выводом: хощновский военный объект не способен стать базой Соединённых Штатов по причине полной его непригодности.

Каково же было удивление Даманского, когда он наткнулся на «мёртвую зону» в психике реципиента: так специалисты ментального программирования называли блок, запрещавший

манипулирование сознанием клиента. Войти в мозг Болдуина Даманский вошёл и даже взял его сознание под контроль, но внушить программу действий не смог. Пси-структуры мозга, ответственные за выполнение команд подсознания, были перекрыты! Даманский не сумел ни усилием воли нейтрализовать барьер, ни просочиться сквозь «мёртвую зону» как квантовый пакет сквозь полевую мембрану.

О том, что это ловушка, он понял слишком поздно.

Занятый «зашивкой» программы в мозг Болдуина, он не заметил, как в зале появились два человека в чёрных комбинезонах, с телекамерами в руках, и направили растробы объективов на фигуру посла.

Но это были не телекамеры.

Даманский вдруг почувствовал дуновение ледяного ветра (впрочем, не почувствовал, так как его органы чувств остались в собственном теле, а обнаружил некое соответствие этому ощущению), после чего на него упала светящаяся сеть и начала душить.

Слипер начал судорожно «тыкаться носом» в разные стороны, пытаясь найти щёлочку в сети или разорвать её, но она оказалась прочнее, сдавила со всех сторон, и Даманский осознал, что его здесь *ждали!* Ничем иным объяснить происходящее он не мог. И выбраться из ловушки не мог, потому что до назначенного момента возвращения в родное тело оставалось ещё как минимум три минуты.

Он нырнул в подсознание Болдуина поглубже, как это делает ныряльщик за жемчужными раковинами, лихорадочно пытаясь найти выход из положения, и обнаружил, что посол США в Польше, несмотря на вид и поведение пастора... вооружён! Искрой проскочила мимо сознания чья-то запомнившаяся шутка: американец без оружия – что змея без яда...

Светящаяся сеть сдавила сферу мироощущения сильней. Даманский едва не закричал – внутрь себя, без звука! Последним усилием воли он заставил Болдуина вытащить из-под мышки небольшой «ругер» и выстрелить ему-себе в голову.

Темнота накрыла сознание плотным покрывалом...

Глава 3 «Призрак»

Гости столицы, гуляя по знаменитым улочкам и тупичкам в районе Мясницкой, наверняка не раз проходили мимо особняка в Варсонофьевском переулке, рядом с Божедомкой (так называлось кладбище, где в стародавние времена хоронили умерших без покаяния – самоубийц и утопленников). По легенде, сюда же по приказу царя Лжедмитрия был перевезен из Кремля и труп Бориса Годунова. Впоследствии Годунова перезахоронили в Троице-Сергиевой лавре. Лжедмитрия же засунули в пушку и выстрелили им в ту сторону, откуда он явился. Но речь не об этом.

В том же Варсонофьевском переулке в глубине парка пряталось под сенью лип и тополей неприметное двухэтажное здание, облицованное серым кирпичом с красными вставками, на крыше которого вырос целый лес антенн. Подъезд к зданию через решетчатые, литые, чугунные ворота был один, однако им пользовались нечасто. Мало кто знал, что у здания имеется подземный гараж на два десятка автомобилей и попадают в него по длинному тоннелю со стороны Чистопрудного бульвара, через автоматически открывающиеся ворота с табличкой: «Посторонним въезд запрещён». Вторая табличка – на кирпичном столбе рядом с калиткой – гласила: «Филиал Российского исторического общества».

Однако на самом деле располагалось в здании одно из самых секретных подразделений Корпуса специальных операций (КСО) Главного разведуправления Министерства обороны России «Призрак», о деятельности которого не был осведомлён даже президент страны.

В среду, восьмого сентября, в одиннадцать часов утра в кабинете главы подразделения собрались четверо: хозяин кабинета полковник Сивков, сорокапятилетний блондин, одевавшийся с подчёркнутым шиком, больше похожий на артиста, чем на сотрудника спецслужбы, руководитель научной группы доктор медицинских наук Курчинский, полковник Дубинин, командир службы безопасности «Призрака», и глава отдела информационного обеспечения майор Хвощёв.

До появления Сивкова гости сидели в его небольшой по размерам приёмной и от нечего делать вели беседу, тему которой задал хмурый Дубинин.

– Опять пробки, – сказал он, морщась. – Плюс куча дураков на дорогах! Так и жди, что кто-нибудь тебя подрежет либо тюкнет в корму.

– Не стоит ждать плохого, – с улыбкой проговорил добродушного вида толстяк Курчинский. – Срабатывает так называемый эффект ноцебо: ожидание плохого порождает плохое.

– К сожалению, «неожидание» плохого не спасает от дураков, – пробурчал Дубинин. – А их становится всё больше, судя по избирательным кампаниям и отношению к указам нашего глубокоуважаемого гаранта Конституции.

– Это вы о чём, Игорь Михайлович? – полюбопытствовал Хвощёв, носивший щегольские усики.

– Большинство юзеров соцсетей без сомнений приняли к исполнению ЕФИР¹. То есть люди сознательно согласились на тотальный контроль! О чём это говорит, по-вашему?

– Ну, пользователи соцсетей по большому счёту и не люди уже, а цифровой компьютерный plankton. Что касается дураков…

– Могу дать точную характеристику этого глобального явления, – перебил Дубинина Курчинский. – Извините, Игорь Михайлович. Не возражаете?

– Всё равно ждём, – пожал плечами тот.

¹ Единый федеральный информационный регистр (примеч. авт.)

— Так вот эталон дурака представляет собой существо с близкой к нулю способностью к логическим операциям. Вообще это категория людей, требующая внимательного изучения, поскольку феноменальная способность извращать логику приближает дурака к гению. Но что поражает более всего, это умение дурака искусно мимикировать под окружение. Его защитные механизмы прекрасно развиты и защищают от вымирания.

— Это ваше личное мнение? — прищурился Дубинин. — Или результат научного исследования?

Курчинский расплылся в усмешке.

— Одно не мешает другому. В жизни различают три вида дураков: *durakus prostus* — просто дурак, *durakus glupus* — дурак глупый и *durakus umnikus* — дурак умный.

Приглашённые переглянулись. Поднял голову от стола и секретарь главы «Призрака», суровый мужчина с безволосым черепом.

— Можете охарактеризовать каждого? — спросил Дубинин.

— Разумеется. Если коротко, просто дурак или «дурак вульгарис», как правило, легко распознаётся по типу поведения и высказываниям. Он не умеет рассчитать полезность или вредность своих высказываний и действий для будущего, в том числе собственного, и очень легко попадает впросак. Лечению не подлежит.

— Примеры привести можете?

— Миллион. Самый наглядный пример — комментатор спортивных состязаний Глуперниев.

Хвощёв рассмеялся.

— Да уж, в точку. Иногда такие перлы выдаёт — диву даёшься. Ну а что такое глупый дурак?

— Глупый дурак вызывает умиление. Он прост и незамысловат. Глупый дурак с детства усваивает истину: умные слабого и доброго не обижают. Он паразитирует на слабостях сильных людей. Сам не хочет и не способен нести ответственность ни за что, а уж тем более за своё поведение. Любит быть незаменимым, любит заседать и участвовать в различных комиссиях, получать награды и почести. Верит всему, о чём пишут в газетах. С успехом делает политическую карьеру среди таких же идиотов, ненавидит творческих людей, часто хвастается, нередко прячется под маской творческой личности, особенно если пишет стихи или фантастику. Всегда и всем недоволен, на всех немного обижен, считает, что ему недодали, недоучили, не похвалили. Он прилежен и угодлив, за что и нравится окружающим. Самое интересное, что часто образован и любит носить галстук. А самое горькое — что умеет делать успешную карьеру. Лечению также не подлежит. Примеров тоже хоть отбавляй, их много среди так называемой интеллигенции и сетевых «писателей», которых сотнями одаривают лайками такие же недалёкие читатели.

В приёмную вошёл Сивков, широкоплечий, по-спортивному подтянутый, быстрый в движениях. Лицо у полковника было клинообразное, сужающееся к подбородку, в серых глазах тело ощущение силы и уверенности. Полковничью форму он никогда не носил и в данный момент был одет в отливающий жемчугом костюм с охлаждающим слоем и синюю рубашку со стоячим воротником. Услышав последние слова Курчинского об интеллигенции, он усмехнулся, подавая ему руку.

— Надеюсь, вы не нас имеете в виду?

— Никак нет, Владлен Тимофеевич, — успокоил его медик серьёзно. — Я бы помер от стыда, если бы принадлежал к современной российской либеральной интеллигенции.

Пожав руки остальным, Сивков проследовал в свой кабинет со словами: прошу подождать пять минут, товарищи.

Секретарь последовал за ним.

– Успеете закончить увлекательную лекцию, Марион Давидович? – посмотрел на Курчинского Дубинин. – Хотелось бы узнать, что такое умный дурак.

Снова уселись на стулья.

– О, это явление глобального масштаба, – сказал Курчинский. – Умный дурак представляет собой самый сложный из всех видов дураков. Очень трудно распознаем. Вызывает даже уважение, смешанное со страхом и презрительностью. Много и убедительно говорит, и все его речи сводятся к главному тезису – что он самое исключительное разумное существо во Вселенной. Отличается холодной расчёлкой жестокостью и расточительностью по отношению ко всему, что лично ему не принадлежит. Гурман, как правило, мясоед и любитель чёрной икры. Собственник, ценит всё материальное во вред культурному. Создал практически все существующие на планете материальные ценности, гордится и поклоняется им. Подобно всем паразитам очень живуч и склонен к мутациям.

– В таком случае под эту категорию можно подвести весь народ, – скептически проговорил Хвощёв.

– Не весь, – возразил Курчинский. – Я, конечно, несколько утрировал систематизацию дураков, но от истины далеко не ушёл. Вы ещё не раз убедитесь в этом, если до сих пор не убедились.

– Я лично не задумывался, – признался Дубинин.

Вышел секретарь.

– Заходите, товарищи.

Кабинет главы «Призрака» представлял собой самый настоящий пост управления космическим кораблём, так густо он был напичкан приборными панелями, консолями, экранами и сложными агрегатами, принадлежащими защитным системам, гаджетам связи, выходам информационных и командных каналов и антенн для создания виртуальной реальности. Стол в кабинете отсутствовал, кресло было одно, но из стен откidyвались сиденья, на которых и устроились приглашённые командиры подразделений «Призрака».

Сивков перестал бегать пальцами по клавиатуре одной из консолей, отвернулся от экрана, обладающего эффектом глубины.

– Докладывайте, Пётр Данилович.

– Провал, – сделал официальное лицо Хвощёв. – Даманский ликвидирован, операция сорвалась. Точнее, она оказалась очень эффективно выполнена, так как посол Болдуин застрелился прямо в кафе, но спипера мы потеряли.

Сивков, естественно, знал о проведённой операции, потому что все мировые СМИ отреагировали на самоубийство посла США в Польше. Результатом этого происшествия стал отказ американской стороны от переговоров, хотя о полном прекращении контактов речь не шла. Если Госдеп США принимал решение о размещении военных баз на территории других стран вокруг России, он всегда добивался своего. Но конфликт всё же сказался на отношениях политиков обеих стран, и сроки создания военной базы в Польше перенеслись на неопределённое время. В этом смысле операцию, подготовленную спецами «Призрака», можно было считать успешной. Однако потеря столь ценного оперативника, каким являлся Даманский, существенно подрывала имидж этой сверхсекретной службы, использующей способности спиперов, а главное – сужало диапазон планируемых акций «Призрака», направленных на блокирование «тлетворного влияния» Запада на молодые умы россиян и нейтрализацию наиболее одиозных врагов России как за рубежом, так и внутри страны. Поэтому глава «Призрака» должен был в кратчайшие сроки разобраться в причинах провала и найти выход из положения. Обстановка в стране после повторной эпидемии коронавируса и трёхмесячной самоизоляции складывалась тревожная. Подняли головы «подпольные» структуры пятой колонны, спящие и видящие разрушение России, а также усилили пропагандистскую деятельность НКО – так называемые некоммерческие организации на службе у врагов России и поддерживаемые либе-

ральной властью средства агитации «демократического образа жизни» – «Эхо Москвы», «Коммерсант», «Новая газета», «Мемориал» и многие другие. Ими надо было заниматься серьёзно, наряду с нейтрализацией либералов в правительстве и Государственной думе. Потеря главного инструмента процесса сильно ограничивала возможности «Призрака», о существовании которого не были осведомлены ни президент, ни премьер, ни министр обороны. Из всех осуществителей политики государства о деятельности недавно созданного Комитета защитников России, в чьём ведомстве и находился «Призрак», знали только директор ФСБ, директор ГРУ и советник президента по вопросам спецслужб.

– Продолжайте, Пётр Данилович, – кивнул Сивков, кинув взгляд на экран одного из компьютеров.

– По данным разведки, Даманский подключил к операции грузчика из кафе «Буяк», но недооценил изменение ситуации, которая начала развиваться не по запланированному сценарию. После «подвала» служитель кафе не успел вытащить тело Даманского из тайника, а сам Даманский, попавший в ловушку, успел только заставить реципиента – посла Болдуина, в мозгу которого расположился, застрелиться…

– Убив этим себя самого, – угрюмо закончил Дубинин.

Хощёв посмотрел на него.

– Возможно, этим самым он спас нас от более серьёзного провала. Есть сведения, что для захвата слипера американцы использовали новый прибор, сочетающий с себе функции локатора и психотронного генератора, о котором у наших научников нет никаких сведений.

– То есть получается, что американцы знали о появлении нашего человека? И подготовились к встрече?

Хощёв шмыгнул носом.

– Что в свою очередь позволяет констатировать: в нашей команде работает…

– Американский крот, – закончил Дубинин.

Сивков сверкнул заледеневшими глазами.

– Продолжайте, Игорь Михайлович.

Дубинин поправил воротник рубашки, словно он его душил, снова поморщился. Он выполнял обязанности начальника службы собственной безопасности «Призрака», и происшествие в Хощно сильно ударило по его самолюбию и положению.

– Голову сломал! Если бы у нас сидел крот, мы бы провалились ещё раньше, когда засыпали слипера в Киев. К тому же о деталях операции в Хощно знали только инструктора Даманского и… – Дубинин пожевал губами, вскинув на Сивкова глаза, – и мы, то есть те, кто здесь сидит.

– Может, это специалист из вашей епархии, Марион Давидович? – поинтересовался Хощёв ровным голосом.

Курчинский поджал губы, одарив главного айтишника команды возмущённым взглядом.

– Я знаю всех и каждого и готов поручиться…

– Не надо, Марион Давидович, – сказал Дубинин, – в нынешние времена нельзя стопроцентно поручиться даже за своих собственных детей. Были прецеденты. Я никого не обвиняю и не собираюсь навешивать ярлыки, иначе мы тут договоримся до дуэли, подозревая друг друга. Обещаю сделать всё возможное, чтобы выявить крота, если он существует.

– Потеря слипера очень серьёзно ограничивает нас, – повторил его слова Сивков, давая понять, что он поддерживает мнение начальника службы безопасности. – Их у нас всего трое… было, осталось двое, и это существенно снижает эффективность нашего подразделения. Анализ ситуации в России и за рубежом показывает, что основной тенденцией ресурсного развития человечества является распространение западных политтехнологий на весь остальной социум. Возникли и усиливаются системы двойных и тройных стандартов нравственности и морали. Запад гниёт ещё со времён Октябрьской революции, что верно подмечено в советские времена,

но в двадцать первом веке это гниение приобрело такие масштабы, что вошло в плоть и кровь либералов внутри нашей страны. Гасить их агрессивные замыслы, направленные на разрушение России, становится всё труднее. Поэтому потеря даже одного слипера – большой удар по нашей защитной системе.

– Надо искать новых слиперов, – сказал Хвощёв.

– Совершенно верно, надо искать. Надеюсь, что цифровизация России сыграет для нас позитивную роль.

– Вы серьёзно, Владлен Тимофеевич? – недоверчиво спросил Дубинин. – Цифровизация России – это подлейшая по сути программа глобального контроля населения! Это понял в позапрошлом году ещё ведущий программы ТВ «Бесогон», дай бог ему здоровья!

– Именно потому, что ЕФИР и биорегистрация слились в систему контроля, мы и сможем по косвенным признакам поведения того или иного человека вычислить скрытого паранорма, то есть слипера. Надеюсь, Пётр Данилович, вам не надо объяснять смысл идеи?

– Не надо, – ухмыльнулся Хвощёв. – Вы правы, теперь отследить поведение человека стало намного проще. Мы подключим главные компьютерные ресурсы Минобороны и ФСБ, а также соцсети.

– Соцсети надо обследовать в первую очередь, – сказал Дубинин. – Иногда диву даёшься, какую важную инфу можно получить в том же Фейсбуке или Инстаграмме.

– Может, прошерстить базы данных медучреждений? – предложил Курчинский. – С введением поголовного биорегистрирования можно получить данные по любомульному гражданину. Могу помочь.

– Разумеется, мы это учтём, – согласился Хвощёв.

– Итак, резюмируем, – сказал Сивков. – Разведку поставить на уши! Следить за развитием событий в Польше, и не только следить, но и зачистить следы пребывания слипера в Хоцно, чтобы не пошла новая волна фейков о российских спецагентах.

– Уберечься от фейков мы вряд ли сможем, – поджал губы Дубинин. – В Польше уже заговорили о «русском следе». Я считаю, тот, кто создал психотронный генератор с возможностью пеленга работы слиперов, хорошо осведомлён об их способностях. Но у нас нет ни одного свидетельства о разработке американцами новых образцов пси-оружия.

Все посмотрели на Курчинского.

– Если генератор действительно существует, – сказал начальник «ИИ-Альтернативы» скептически, – то они здорово обогнали нас в этом направлении. Мы только-только подошли к созданию гаджетов пси-защиты и локаторов пси-полей, не говоря уже об оружии атаки.

– Надо бросить на их разработку все силы! – сказал Хвощёв.

– Нужно финансирование...

– Финансирование будет, – заверил Курчинского Сивков. – Нужны специалисты.

– Хорошо бы, если бы разведка раздобыла сведения по этому психотронному генератору, или что он там собой представляет.

– Разведка работает, сведения будут.

– А что с телом Даманского? Ведь он мёртв... как бы это выразиться... как личность, но тело-то дышит, сердце работает...

– Его увезли в Щецин, – сказал Хвощёв. – Вероятнее всего, исследовать слипера будут в Штатах либо в какой-нибудь из лабораторий в Европе.

– Надо узнать точно. Из Штатов мы его не достанем, а если тело отвезут в лабораторию наших бывших «братских республик» Прибалтики...

– Или Грузии.

– Или Грузии. То можно будет попытаться выкрасть и переправить в Россию.

– В таком случае нужно будет подключить к этому делу спецов ГРУ. У них есть диверсионные суперкоманды, о деятельности которых не догадываются даже вездесущие ребята из израильской «Моссад».

– Помощь будет! – твёрдо сказал Сивков. – Работаем!

– Может, направить в Польшу нашего второго слипера? – предложил Дубинин. – Первый сейчас в Пентагоне, работает с парнями СБР. Второй, вернее, вторая…

– Нет, она пусть занимается тем делом, которое ей поручили, – сказал Сивков. – Побережём нашу девочку. Хотя не исключено, что и ей придётся принять участие в ликвидации последствий провала. Все свободны.

Гости руководителя «Призрака» дружно встали.

Глава 4 Клюква

Из города выехали в пять часов утра, как и обещал Стас.

За рулём серебристого «Кайенна» сидел муж Ксении Форнасовой, бывшей симпатии Стаса, Константин, весёлый приятный парень, умевший пошутить и посмеяться в ответ на шутку. Он действительно служил в полиции Южи, будучи заместителем начальника южского РОВД, но вёл себя абсолютно раскованно и дружелюбно. Нестору он понравился, чего нельзя было сказать о Стасе, приунывшем от того, что его счастливый соперник является отнюдь не «чиновником с деревянной мордой», каким он представлял полицейских.

Ксюша, полненькая брюнетка с причёской каре тоже понравилась Нестору. Она вела себя примерно так же, как муж, не кичилась положением («порше» всё же как бы подчёркивал статус пары) и с интересом расспрашивала Стаса о его жизни и службе на почти военном (экраноплан Стаса принадлежал Рыбинспекции) флоте. Как оказалось, она работала специалистом по градоустройству в мэрии Южи, закончив архитектурный институт, и не сидела на «майорских харчах», как пошутил Константин. Он же рассказал пассажирам историю, которая сделала Южу клюквенной столицей, чем расположил к себе и Стаса, знатока этих мест.

Юже географически достались обширные болота с просёлочными дорогами, лишенными асфальта, и само название городка произошло от угро-финского словечка «юзга», что означает – топкое место. Однако наряду с морями жирной грязи местность вокруг Южи ежегодно выдавала тонны грибов и ягод, основной из которых не зря считалась клюква. Кроме того, сюда уже почти десять лет в конце лета или в начале осени съезжались любители погонять адреналин – на автогонки «Южская топь», и жизнь в районе не текла тихо-мирно-идиллически, а кипела.

Затронули тему семейной жизни: Костя вежливо поинтересовался у Нестора, женат ли он.

Нестор коротко ответил «нет», и Стас ради справедливости уточнил:

– Он уже был раз женат, обжёгся и больше рисковать не хочет.

– Не сошлись характерами? – живо спросила Ксюша; она сидела на переднем пассажирском сиденье.

– Его Люся нашла богатенького буратину за рубежом, – хмыкнул Стас. – А вообще, она любила покричать, приговаривая: командовать в доме должен кто-то одна.

Ксюша засмеялась, глянув на улыбнувшегося мужа.

– Ну, это правильно. Мужчины пусть командуют у себя на работе, а дома должны всем руководить женщины.

За Южей пошли пыльные сельские дороги, хотя и выровненные грейдерами, но всё же не такие ровные, как междугородные тракты. Костя снизил скорость, повинуясь советам Стаса.

Заговорили о литературе, кто что читает: Ксюша спросила об этом у мужчин первая. Оказалось, что книги читают все. Именно книги, а не экранку с ридеров. Стасу нравилась фантастика, Нестор предпочитал философские вещи, Костя с удовольствием читал исторические романы. Выяснилось также, что Ксюше нравятся боевики, в чём она призналась не без смущения, но добавила при этом:

– Хоть убейте, не люблю современную женскую прозу! Сплошные охи, ахи, сопли, слёзы, целовашки и обнимашки, мечты встретить бугая-красавца-миллионера, плюс экзотический секс на стиральной доске! Иное дело – крутые боевики, драки, погони, экстрим, читаешь и понимаешь, что всё это написано с одной целью – возбудить желание жить! Пубертатным

мальчикам именно такое чтиво и нужно, чтобы выплеснуть агрессию в книгу, а не на улицах в реальности.

– Но ты же не мальчик, надеюсь? – шутливо спросил Стас.

– А я так отдохною, – махнула рукой Ксюша. – Зная, что всё понарошку. Точно также люблю смотреть забугорные блокбастеры, оторванные от реальной жизни.

– Каждому своё, – заметил Костя, полногубый, скуластый, голубоглазый. – Главное, чтобы люди больше читали. Но, к сожалению, наблюдается процесс отрицания литературы как инструмента воспитания. Культуру колossalно убивает выгребная яма Интернета. Стадная молодёжь испытывает кайф и даже гордость за причастность к полной пустоте цифровой жизни. Мы называем это пароксизмом ППП – пароксизмом полной пустоты. Надеюсь, наши правители понимают пагубность такого воспитания.

– Вы оптимист, однако, – с некоторым недоверием проговорил Стас, не ожидавший подобных речей от полицейского. – Правители как раз делают всё, чтобы уткнуть людей в компьютер, так легче ими манипулировать.

– Ой, только не будем о политике! – воскликнула Ксюша. – С утра до ночи из телика только и слышно о преимуществах цифровизации, чипирования и полного контроля, уши пухнут. Стас, ты же любил читать сказки, насколько я помню.

– А чем они особенно отличаются от фантастики? – пожал плечами пилот. – Разве что у фантастики больше конкретики и масштабности.

– Фантастика как жанр превратилась в технологию сокрытия истинного положения вещей в социуме, – сказал Костя, демонстрируя вполне философский подход к проблеме. – Поэтому люди и не верят в НЛО и пришельцев, а они существуют реально.

– Да ладно, – фыркнул Стас. – Неужели в полиции обсуждают такие вещи?

– Чем мы хуже других?

– Ну, вы всё-таки... полиция... специфика...

– Специфика у нас одна – защита людей.

– Фантастика иногда подсказывает учёным отличные идеи.

– Не думаю, больше скрывает, камуфлирует.

– Исторические романы тоже по сути фантастика, даже ещё больше.

– В этом вы правы, – хохотнул Костя.

– Стас, ты как стал моряком? – спросила Ксюша, уводя разговор в сторону.

– Я не моряк, – возразил молодой человек.

– Но ты ведь плаваешь на этом... экранеплаве...

– На экраноплане. Это судно на воздушной подушке. Заканчивал я лётное училище в Иванове, а судьба вернула меня на родину, в Южу, где Рыбинспекции требовались пилоты. Так я и оказался на борту нашего «Лунька». Кстати, классная машина, набирает скорость до двухсот пятидесяти километров в час и прошмыгнёт по любому болоту! Хотите, покатаю?

– Костя? – повернулась Ксюша к мужу.

– А что? Я «за», – согласился майор. – Никогда не приходилось ездить на экранопланах. Как-нибудь выберемся.

– По-моему, – Ксюша снова оглянулась на пассажиров на задних сиденьях, – ты же собирался после школы пойти в адвокатуру.

– Вовремя одумался, – смущённо ответил Стас. – Как оказалось, у адвокатов самое извращённое и подлое понятие о справедливости.

– Чем же это они вам насолили? – удивился Костя.

– Ох, долго объяснять, столько негатива в их работе!

– Почему негатива? Они же защищают... народ.

– Они защищают в основном бандитов и коррупционеров, получая за это огромные бабки! И ведь заведомо знают, что защищают негодяев, причём намного успешней, нежели простых людей.

– У вас личный опыт?

– Не у меня, у моих родителей. Отец с мамой живут в Москве, на Карамышевской набережной и уже года четыре судятся с ТСЖ «Брех».

– Что такое ТСЖ? – не поняла Ксюша.

– Товарищество собственников жилья. Так вот председатель ТСЖ, мадам ангельского вида по фамилии Альбиноса, обманывает жильцов так, что диву даёшься! Оказалось, что много лет они платят за обслуживание гораздо больше, чем нужно по закону, что в течение времени сложилось в кругленькую сумму. А если кто-нибудь из жильцов начинал считать и спорить, суды вставали на её сторону! Она купила всех: адвокатов, прокуроров, полицию и судей! Представляете? И ведь у людей на руках все документы, подтверждающие преступную деятельность председательши. И что? Да ничего! Адвокаты просто звери, почему я и отзываюсь о них так, отбили и успешно отбивают все нападки на эту ведьму, а ведь совершенно точно знают, что она ворюга и негодяйка.

– У меня имеются неплохие связи в московской прокуратуре, – сказал Костя. – Могу посодействовать.

– Ладно, спасибо, поговорим.

– А где ты отыхаешь? – не унималась с вопросами Ксюша. – С кем и как?

– Есть компания друзей. – Стас кивнул на Нестора. – Вот с ним ездим в Брянскую губернию к моим родичам, грибы собираем и орехи. Изредка летаю по России, прошлым летом на Сахалине побывал, природа – обалдеть! А так… по театрам и кино не хожу, не моё, в музеи – да, захаживаю, особенно в военно-технические, но больше люблю путешествовать.

– Расскажи.

– Позже, подъезжаем.

Ламненское болото, куда и направилась из Южи компания сборщиков клюквы, занимало существенный участок междуречья Луха и Тезы. Начиналось оно в пяти с половиной километрах от города, к северо-востоку, и тянулось двумя рукавами на юго-запад, до деревень Верзянино и Рыбино. Его рукава простирались на десять-одиннадцать километров, и пересекали их ручьи и небольшие речки Шабалиха, Лисиха и Вокша, впадавшие в Ламское озеро.

Северная часть болота называлась Палмой, и к нему, между уроцищами Большая Ламна и Малая, вели грунтовые дороги, в последние несколько лет приведённые в божеский вид. Во всяком случае, их постоянно подравнивали, ремонтировали мосточки, и по ним вполне могли ездить цивильные автомобили грибников, собирателей ягод и местных жителей.

Окаймляли топкие места болота верховые торфяники, заросшие по мшистым краям смешанным лесом, болотным миртом, багульником, сабельником (его тоже активно собирали в качестве лечебной травы), осокой, тростником и красиво цветущим очеретником белым.

Водились в здешних местах и птицы: чибис, кулик, бекас, осоед и скопа, но сезоны охот на многих из них были сокращены ввиду сохранения редкого ареала, и ружейные выстрелы охотников вокруг Южи звучали нечасто.

То ли компания выехала рано, то ли по иным причинам, но «Кайенну» встретился лишь один автомобиль – непрезентабельного вида «Нива» зелёного цвета с заляпанными грязью номерами, какое-то время ехавшая сзади. Но и она вскоре отстала.

Проехав по дороге, соединявшей деревни Быково и Глушицы, внедорожник свернул к западу, проехал карстовый провал, получивший название от местных жителей – Пасть Дьявола (с вертолёта он действительно походил на распахнутый клыкастый зев апокалиптического зверя), и остановился на полянке в березнячке, где сам Стас всегда оставлял свою машину во время лесных походов.

Рассвело, когда пассажиры выбрались из кабины и вдохнули полной грудью исключительно чистый и свежий утренний воздух. Ветра не было, и болотные испарения до березняка не добирались.

– Благодать какая! – зажмурился Костя, одетый в обычный джинсовый костюм.

Ревниво следивший за ним Стас хмыкнул, поправляя на голове белую бейсболку с морским якорьком. По-видимому, он окончательно смирился с тем, что Ксюша выбрала в мужья полицейского, оказавшегося вполне себе «своим парнем».

– Идём цепочкой на юг, – показал направление Стас. В отличие от Константина он шёголял в пятнистом комби военного образца и надел резиновые сапоги. – Бочажины обходите, они глубокие, в топкие места не забредайте. Будем время от времени перекликаться, договорились?

Словно в ответ на речь пилота откуда-то издалека донёсся женский крик.

– Вот! – с улыбкой поднял палец к ясному небу Стас. – Люди уже пошли в атаку.

Взяли по корзине (у Нестора была своя, Стас же подготовил плетёные из веток ивы вместилища и спутникам), направились между берёzkами к прогалу за леском, где и начинались заросли клюквы.

– Не страшно такую тачку оставлять? – оглянулся Стас на Костя.

– Я буду ходить кругом, – отмахнулся майор. – Далеко забираться не буду.

– Может, оставим Ксюшу… э-э, Ксению Михайловну в машине?

– Нет уж! – воскликнула она. – Я тоже хочу собирать ягоды. Могу поспорить, что наберу больше всех. Меня выгонят из леса только комары или клещи. Костя, мы же брали с собой репеллент.

– Не нужен репеллент, – сказал Стас. – Ни комаров, ни клещей нет, не сезон. Хотя они, гады такие, всё же стали вылезать до поздней осени. А насчёт набрать побольше…

Костя засмеялся:

– У неё глаз – что ватерпас. Грибов всегда приносит больше, чем я.

– Ну, смотрите.

Пошли кусты, обсыпанные крупными ягодами клюквы, редкие, потом целыми островками.

Нестор увлёкся сбором, выбирая самые крупные гроздья. Он любил эту ягоду наравне с черникой, голубикой и морошкой, и нередко замораживал в холодильнике несколько килограммов клюквы, чтобы зимой делать из неё великолепный морс.

Обойдя мочажину с пузырчаткой, он углубился в кустарник, изредка бросая в рот наиболее спелую ягоду, и очнулся, только услышав зов Стаса в сотне метров:

– Ау, девочки и мальчики, почему молчите? Как вы там?

– Нормально, – отозвался Костя.

– Хорошо! – прозвучал довольный голосок Ксюши. – Я уже почти полную набрала.

Нестор оценил свои успехи: его корзина была наполнена чуть больше половины, покачал головой. Костя не преувеличивал способности жены, ловкие ручки которой были проворнее мужских.

Через час встретились у поросшей осокой мочажине, на языке упругого мха. Съели по бутерброду с сыром и ветчиной, запили горячим (из термоса) чаем и пошли дальше, перекликаясь.

Костя, вопреки своим обещаниям ходить вокруг машины кругами, увлёкся и забрёл в болото дальше всех. Пришлось его останавливать и выводить на место посушке, что Стас и сделал, посмотрев на Ксюшу после общей встречи с торжеством и вызовом: мол, вот тебе твой полицейский, я всё равно круче!

Нестор, присутствующий при этой сцене, улыбнулся в душе, понимая друга. Чувства Стаса к бывшей школьной подруге не полностью остали, и он пусть и с сожалением, но хотел напомнить ей о прошлых отношениях.

Корзины наполнились к двенадцати часам дня.

Солнышко стало припекать серьёзней, температура воздуха приблизилась к плюс двадцати пяти градусам, и Стас объявил привал.

Собрались у тростниковой крепи, усталые, разгорячённые (Костя и Ксюша сняли куртки, оставшись в футболках), но довольные.

– По глоточку? – предложил Стас. – Я захватил с собой винца.

– И так жарко, – отказался Костя. – К тому же я за рулём.

– Ты взял с собой бутылку вина? – удивилась Ксюша.

– Сухарик, – признался пилот, доставая из кармана своего милитари-костюма красивую плоскую флягу. – Французское «Ардеш Орели», очень вкусное.

– Я люблю испанское «Бадахи».

– Это не хуже. – Стас посмотрел на Нестора. – Будешь?

– Нет.

– А мы глотнём. – Стас отвинтил крышечку фляги, налил в складной стаканчик, вытащенный из другого кармана, вина, протянул женщине.

Она с сомнением глянула на мужа, и по этому короткому взгляду Нестор понял, кто в семье хозяин. Как бы Ксюша ни хорохорилась и ни шутила, было понятно, что последнее слово остаётся за мужем.

– Попробуй, – кивнул Костя.

Пригубили вино, посмаковали. Ксюша кивнула.

– Хороший букет.

– Приглашаю вас в ресторан, как приедем. Посидим, попьём этого винца либо твоего закажем.

– Посмотрим, – неопределённо сказал Костя.

Двинулись к машине, таща корзины; Стас предложил было Ксюше понести её корзину, но она отдала её Косте. А Нестор получил ещё одно подтверждение своим оценкам: Ксюша любила и побаивалась своего мужа, вернее, побаивалась дать ему почву для ревности, какой бы зыбкой она ни была.

Вышли к поляне в березнячке и остановились, разглядывая стоявшую рядом с «Кайенным» грязно-зелёную «Ниву» и четверых молодых людей, одетых кто во что горазд. Двое из них, белолицые, один рыжий, второй блондин с козлиной бородкой, широкий как передок самосвала (у Нестора даже мелькнула мысль: как он умещается в кабине «Нивы»?), щеголяли в поблекших от старости пятнистых куртках и мятых штанах цвета бурой накипи. Их спутники явно были кавказцами. Один высокий и жилистый, чисто бритый, со щегольскими усиками и ухоженной бородкой, с яркими рысыми глазами, второй – ниже ростом, шуплый, с полностью заросшим щетиной лицом и глазами-пуговками. Первый красовался в чёрном плащике «под Блейда, истребителя вампиров», а также в чёрных кожаных штанах и армейских ботинках. На втором была серая хламида и кожаная безрукавка, а также мятые чёрные треники с белой полосой, ставшей от грязи серой.

Возникла пауза.

Заметившие пассажиров внедорожника парни перестали возиться у машины, повернулись к ним, замолчав.

– Эй, мужики, чего вам тут понадобилось? – очнулся Костя.

«Джигиты» переглянулись.

Черноволосый «Блейд» с зелёным платком на голове, повязанным в форме чалмы, опустил нож, лезвием которого пытался открыть дверцу «Кайенна», расплылся в фальшивой ухмылке.

– Какая приятная встреча! Господа, предлагаю тихо-мирно отдать ключики от тачки, а также эти корзиночки и топать отсюда подальше.

Говорил он почти без акцента, но шепелявил, будто во рту у него не хватало зубов.

– Мобили, – тенорком подсказал ему низкорослый напарник.

– И мобили. Можем подвезти вашу подружку. Не топать же ей пёхом до города?

«Джигиты» дружно заржали.

– Ч-чёрт! – выдохнул Костя почти беззвучно, сжимая кулаки. – У меня «волк» в бардачке...

Он имел в виду пистолет, какими нынче пользовались в полиции.

– Надо было брать с собой, – укоризненно качнул головой Стас.

– Кто ж знал...

– Оглохи? – осведомился «Блейд», сгоняя ухмылку с узких бледных губ.

– Давай погоняем их по болоту, Ахмет, – предложил блондин-шраф. – А то они долго будут стоять сусликами.

«Блейд» оценивающе оглядел напрягшихся мужчин, перехватил нож левой рукой, а правой вытащил из-под полы плаща пистолет – потёртый до облезлости «валтер».

У его напарников тоже появились в руках ножи.

– Ключи! И бабу! Быстро!

Стас нервно передёрнул плечами.

– Чего ждём? Они же нас и в самом деле могут...

– Полезешь – откроют стрельбу, – процидил сквозь зубы Костя.

– Мы их отвлечём, а ты достань из машины пистолет.

– Подождите! – решился Нестор, преодолевая не страх, а скорее неуютное ощущение оголённости. – Стас, я сейчас на несколько секунд потеряю сознание, подержи меня. Ничего не предпринимайте, я сделаю всё сам, только смотрите.

– Что ты задумал?

Не отвечая, Нестор сформировал сознанием «ментальную пулю» и вонзился в голову «Блейда»-Ахмета, картино крутившего пистолет.

Короткая мгновенная темнота передёрнула сознание, и он стал видеть всё глазами Ахмета. В том числе увидел, как он сам в двадцати шагах начал оседать на землю с открытыми глазами, а Стас пытается его удержать.

Охнула побледневшая Ксюша.

Оглянулся на неё Костя, не понимая, что происходит.

Нестор «скочал» в своё сознание «файл памяти» Ахмета и начал действовать. Со стороны это выглядело следующим образом.

Черноусый «джигит» поднял пистолет и открыл огонь... по своим соратникам, заставляя их скакать по поляне зайцами.

Раздались вопли, возмущённые крики, ругань.

– В машину! – рявкнул Ахмет, указав стволом «валтера» на «Ниву». – Живо! Всех уко��ошу!

– Ты чо, Ахмет, накурился?! – пискнул шарахнувшийся прочь низкорослый кавказец. – Сдуруел совсем?

– В машину, я сказал!

– Он шизанулся! – взвыл блондин, отпрыгивая от вонзившейся под ноги пули.

– В машину, падла! За руль! Уезжаем!

«Блейд» выстрелил в рыжего, доставшего ещё один пистолет – старенький «макаров», попал тому в руку. С криком «ай!» рыжий выронил пистолет.

– Быстро, кретины!

Троица отступила к машине. Ахмет сел рядом с водителем, которым стал блондин, «Нива» рванула с места как на гонках.

Нестор дождался, когда машина минует берёзки, выбросил в окошко пистолет и вернулся в своё тело, испугав поддерживающего его Стаса.

– Отпусти.

Ошеломлённый парень перестал держать друга.

Костя кинулся к внедорожнику, открыл, вынул из бардачка пистолет, но это было уже лишним: «Нива» уехала.

– Офигеть! – выговорил Стас. – Что с ним случилось?! С ума сошёл?! Открыл огонь по своим…

Нестор отряхнул с брюк травинки.

– Бывает.

Подбежала Ксюша – глаза на пол-лица.

– Что с тобой, Нестор? Тебе плохо?!

– Мне хорошо, – улыбнулся он.

Глава 5

Грехи и диагноз

Тринадцатого сентября (число считалось мистическим, и суеверные люди старались не планировать на этот день серьёзных дел) дом в Варсонофьевском переулке посетили очень важные персоны, хотя никто из прохожих и гостей этого района Китай-города их не увидел. На совещание собирались руководители Комитета защитников Отечества (КЗО). Но подъезжали они к зданию не по улочкам Китай-города, а через тоннель со стороны Чистопрудного бульвара. Всего в аудитории № 01, как называли зал для особо секретных совещаний, собрались девять человек.

Никаких секретарей или модераторов эти съезды не предусматривали, и роль таковых исполняли председатель Комитета Мараев Михаил Модестович (известный всем под псевдонимом «Трим») либо его заместитель директор ФСБ Козодоев Иван Егорович, пятидесятипятилетний генерал-лейтенант.

Мараеву исполнилось шестьдесят шесть лет. Это был крепкий мужчина с твёрдым волевым лицом и бицепсами мастера армрестлинга, хотя спортом Михаил Модестович никогда не занимался, просто поддерживал физическую форму, дарованную ему природой.

Родился он в Волгоградской губернии, в детстве с семьёй переехал в Калмыкию. После службы в армии окончил Саратовский юридический институт, по распределению попал в Волгоград, где и начал прокурорскую карьеру. В две тысячи седьмом году он стал заместителем прокурора Волгоградской области, потом возглавил Следственный комитет при Прокуратуре. Пережил два покушения. В две тысячи восемнадцатом году ушёл по ранению в отставку, а в две тысячи двадцатом возглавил Комитет защитников Отечества, объединивший структуры Союза боевых офицеров, спецподразделения ФСБ (тогда его как раз возглавлял Козодоев, ставший через год директором), славянских общин и юридических частных контор.

Поскольку либералы у власти продолжали вести Россию к гибели, используя поддержку Запада, у КЗО хватало работы, но проблемы множились, информационную кампанию Комитет внутри страны проигрывал, в связи с чем и решено было обсудить создавшееся положение и разработать план действий.

Объявив повестку дня, Мараев предоставил слово Козодоеву, и тот коротко ввёл присутствующих в курс дела, обозначив наиболее острые проблемы, которые надо было нейтрализовать в первую очередь. Начал он с поправок к Конституции, которая была принята в июле две тысячи двадцатого года. Козодоев констатировал, что уже через полгода после этого шага, едва не расколотого общества, стало понятно, ради чего началась кампания: наряду с необходимыми изменениями либералы постарались претворить в документ с виду формальные и «малозначимые» статейки типа «обнуления президентского срока», которые начали приобретать характер заложенных под гражданские основы государства мин. К этому негативу добавились инициативы чиновников, трактующих любые законы по-своему, для своей пользы, и на горизонте появилась пока ещё туманная проблема глобального контроля над россиянами, учитывая постепенно растущее давление пастырей цифровизации «ради блага человека» и ликвидацию многих гражданских свобод. Положение президента в этом планеказалось неустойчивым, хотя он, либерал до мозга костей, не стремился ограничивать российских миллиардеров, особенно тех, кто входил в группу приближённых. Не особенно страдали при нём и оппозиционеры, власть которых оставалась незыблевой, потому что они, достойные презрения народа, даже будучи «за бугром» продолжали выкачивать из России то, что ещё не выкачали. Президент не доверял профессионалам в производственной сфере, выдвигая на руководящие должности так называемых «эффективных менеджеров». Налицо было катастрофическое непонимание

пагубности либерального курса развития страны, несмотря на то что президент делал всё, что мог, и многое – правильно. Но его либеральные просчёты нивелировали все позитивные процессы в обществе.

Обсудив эту проблему, собрание постановило оценить окружение президента, в котором окопались экспертами и советниками многие разрушители государства, такие как Фурсенко, Набулина, Голикина и другие, и провести их замену на государственников, действительно радиоющих за судьбу России и её народа.

Затем слово взял Данил Фомич Устоев, помощник депутата Госдумы Горюхина. В Комитете он отвечал за коррекцию образования и горячо поддерживал идею полной отмены ЕГЭ.

– Мы в ужасе наблюдаем сосредоточенность социума на документировании жизни, а не на её проживании! – эмоционально заявил он. – Учителя, которых стало модно называть коучами – ненавижу это словцо! – перестали быть воспитателями! Они учат детей всего лишь пройти ряд зловредных тестов, да и сами ориентированы главным образом на то, чтобы без проблем пройти инспекционные сторонние проверки и не потерять место, что, в свою очередь, позволяет учащимся без включения мозгов перейти на следующий уровень и пройти новые тесты. Никто не думает, что натаскивание на сдачу экзаменов капитально вредит системе образования. Кстати, один идиот во власти вообще предложил отменить экзамены как вредную процедуру! Так вот, натаскивание на сдачу экзамена, а не на знание, напрочь отбивает у молодёжи способность к нестандартному нелинейному мышлению. Если мы не решим эту проблему, получим множество пустоголовых юзеров и составителей рейтингов вместо творческих работников.

– Уже получили, – пробурчал его сосед, Вересаев Кирилл Максимович, заместитель декана юридического факультета МГУ.

– Я уже не говорю об убийстве института детства, – горько закончил Устоев, – которое мы наблюдаем благодаря цифровому засилью и благим инициативам чиновников от образования, устрашающих конкурсы якобы «будущих управленцев России», а на самом деле – беглецов из России.

– Вы закончили?

– Да, простите.

– Поговорим о… гм, гм, цифровом засилье. Прошу вас, Кирилл Максимович.

– Данил Фомич прав, – сказал сухонький, худой, ещё не старик, но выглядевший болезненным, заместитель декана. – Об этом ещё наш знаменитый режиссёр Михалков не раз говорил в своей передаче «Бесогон». Грядёт самая настоящая национальная трагедия, порождаемая агрессивным внедрением цифровых технологий, искусственного интеллекта и онлайн-обучения, так как при этом выхолащаются самые простые и тёплые человеческие чувства, такие как сострадание и самопожертвование, к примеру. Никто из властных держиморд не думает о том, что, если мы изобретём и внедрим искусственный интеллект, нет никаких причин полагать, что он будет думать так же, как мы, а главное – решать за нас чисто человеческие, эмоциональные, духовные проблемы.

– К чему вы ведёте, Кирилл Максимович? – усмехнулся Козодоев.

– К тому, что мы благодаря цифровизации теряем ни много ни мало – культуру! – отрезал Вересаев. – Как говорил один умный американец Боб Сейденстайкер, бывший технолог Ай-Би-Эм, там, где технологии вырываются слишком далеко вперёд, общество откатывается назад.

– Любите же вы приводить в пример американцев, – усмехнулся Козодоев.

– Умных – люблю, – ответно усмехнулся заместитель декана. – Замечено, что ретвиты отражают привычку к поверхностному потреблению информации: ткнул пальцем в гугл или твиттер – получил краткую справку – и достаточно. В результате наша внутренняя культура превращается в замкнутый мирок, где бездумно повторяются упрощённые донельзя так называемые знания. Считается правильным лишь то, что собрало больше всего лайков или рет-

витов. Как отметила опять-таки умная британская, – Вересаев сощурился, – писательница Сьюзен Гринфилд: личная идентичность во всём большей степени определяется одобрением виртуальной аудитории. Она не права?

– При чём тут цифровизация?

– При том, что ничто не мешает преступникам с помощью цифрового анализа определять цели, которые могут принести большой куш. Всё, что им надо сделать, – это пройтись по Фейсбуку или Инстаграму, чтобы увидеть, кому что принадлежит, где расположено и кто когда бывает дома. Вот почему надо немедленно отменить принятый закон о едином информационном регистре.

– Президент его подписал.

– Значит, надо дать ему всю информацию о негативных последствиях.

Взгляды присутствующих скрестились на Валерии Захаровиче Брускине, советнике президента по вопросам национальной безопасности.

– Я беседовал с ним по этому поводу, – с досадой проговорил самый старый (ему исполнилось семьдесят два года) член КЗО, – но он в данном вопросе больше доверяет другим советникам.

– Надо действовать настойчивее.

– Постараюсь.

– Можно дополнительно к теме? – спросил Козодоев.

– Слушаем вас, Иван Егорович.

– Ещё в двадцатом году мы выступили с резкой критикой законопроекта о расширении использования финансовыми и социальными структурами биометрических данных физлиц, основу Единого регистра данных.

– Да, но документ всё-таки был одобрен Думой и подписан президентом.

– Потому что президента окучивали мощные лоббисты проекта, – пробурчал Вересаев, – с которыми он дружен. Это и глава Нацбанка, и глава Сбербанка, и глава Роснано, и ваши бывшие коллеги. Режиссёр Михалков прав: единая база данных на всех россиян является первой фазой построения глобального контроля населения, в том числе – западными спецслужбами, после чего наступит эпоха поголовного чипирования. Кстати, премьер с пеной у рта доказывает преимущества системы цифровизации всего и вся, отлично зная, что любая утечка персональных данных, – а это неминуемо случится, поскольку предателей во власти великое множество, – станет достоянием не только ловкачей, торгующих информацией, но и преступников, и врагов России.

– Добавлю, коллега, – сказал Устюев. – Опасность чрезвычайно велика, и с ней надо бороться уже сейчас. Функции власти вскоре перейдут к айти корпорациям, которые фактически приватизируют государство, именно такая перспектива заложена в глобальной цифровизации, и мы обязаны предвидеть последствия для страны. Самое плохое, что этого не видят ни так называемые ВИПы правительства, ни бизнес-элита, ни сам премьер, видимо не наигравшийся в компьютерные игры-стратегии.

– А может быть, он как раз видит? – улыбнулся директор ФСБ.

По лицам присутствующих пробежали улыбки. Они уже не раз дискутировали по этой теме и знали доводы и контраргументы всех членов Союза.

– Нужна программа борьбы с этой угрозой, – сказал Мараев. – Иван Егорович, подключите аналитиков конторы, нужен конкретный план, а не философская дискуссия. А вы, Кирилл Максимович, будете куратором стратегии.

Вересаев и Козодоев кивнули.

– Теперь о законе, который способен уничтожить институт семьи в России. – Мараев имел в виду пресловутый закон о профилактике домашнего насилия. – Кирилл Максимович.

Вересаев по обыкновению пошевелил губами, выбирая, с чего начать.

Речь его началась с констатации факта, что закон разрабатывался давно и вносился в Думу более сорока раз, хотя так и не был принят, несмотря на сильнейшее давление лоббистов ультралиберального клана, поддерживающего идею депутата Думы Сусанны Пущиной. По её признанию, она много лет проработала в США и стала сторонницей «сексуального просвещения», способствующего развращению молодёжи с самого раннего возраста.

Сам закон – чудовищный документ, развивающий научничество, обман, оговор, провокации и предательство, являлся мощнейшим ударом по русскому мировоззрению, по простому человеку, да и по всему государству Российскому, так как нивелировал все исторически-культурные корни и взаимоотношения народа, живущего не по жажде материального благополучия, а по совести и справедливости. Разработчики проекта со всех площадок СМИ, телевидения и Интернета упорно лгали о «десятках тысяч» ежегодно убиваемых в России мужьями жён, и что с этим нужно нещадно бороться, возрождая класс клеветников и жалобщиков, на голубом глазу оповещающих органы правопорядка о семейно-бытовом насилии и преступном поведении россиян. Проталкивалась идея, что для вторжения в семью достаточно даже не заявления, а просто звонка «добропорядочного гражданина» о якобы угрозе насилия, после чего должен был включаться репрессивный механизм полицейского произвола, так и не изжитый в России со времён бериевских чисток.

– Совершенно ясно, – продолжал Вересаев, – что при введении закона в стране наступит «гомосексуальный тоталитаризм», который способен запретить и семьи, и свадебные ритуалы, и любовь, и вообще деторождение. А все внутрисемейные вопросы граждан станут решать некоммерческие организации, оплачиваемые из-за рубежа, получив право разлучать супругов и отнимать детей вместе с ювенальной юстицией. Об этом не раз в своих пламенных речах с высоких трибун вещала мадам Пущина, главный проводник разрушительной системы, кстати, бывшая телеведущая, которую не зря прозвали «Солженицын в юбке». Один врал о десятках миллионов репрессированных в Советском Союзе, вторая талдычит о миллионах жертв домашнего насилия.

Докладчик закончил.

С минуту в зале стояла тишина. Переваривали сказанное.

– Закон будет принят в первом чтении в октябре, – нарушил молчание Устоев. – Есть предложения?

Лица обратились к скромно сидевшему за столом главе Союза офицеров России Кикину Алексею Сергеевичу. Адмирал в отставке был сух и малоподвижен. Его застывшее лицо, лицо обыкновенного пенсионера, украшенное морщинами, не дрогнуло. Лишь в глазах мелькнули колючие огоньки.

– «Призрак», – произнёс он.

Присутствующие разом зашевелились, обмениваясь взглядами.

– У нас же потери… – нерешительно проговорил директор ГРУ Мотузов Николай Николаевич, длиннолицый, лысый, с заметными мешками алкоголика под глазами, хотя генерал в отставке, бывший начальник Генштаба (двадцать пять лет назад) никогда алкоголь не употреблял.

– Мы ищем замену второму слиперу, – негромко заговорил командир «Призрака» Сивков. – Но эту работу можно поручить первому. Он… – Владлен Тимофеевич помолчал, – она справится. К тому же ей как женщине будет проще контактировать с… объектом «подвала». Если вы имеете в виду мадам Пущину.

– У вас есть конкретный план коррекции? – поинтересовался Мараев.

– Аналитики сделали предварительные расчёты. Через два-три дня мы предложим версию на обсуждение.

– Хорошо. Теперь зарубеж. Николай Николаевич?

– Представляет интерес сопоставление процессов трансформации доктрин гибридных войн ведущих государств мира, – сказал Мотузов. – Если в США и НАТО концепция гибридной войны разработана давно, то у нас она в зячтке. Даже Китай обогнал нас в этом направлении, испытывая, как мы знаем, свои новые геомагнитные излучатели и технологии скрытого контроля. Тенденции эти опасны и настороживают лично меня куда больше, чем супергегемонистская позиция президента США. Мы же так ещё и не вышли из роли «страны-мишени», пребывая в режиме «постфактум». Давно пора перейти в режим «упреждение».

– Конкретные предложения есть?

– Это уже епархия Ивана Егоровича.

Козодоев покачал пальцем.

– Будем заниматься вместе, Михаил Модестович. Финмониторинг недавно подбросил идею, как притормозить сброс олигархами средств за рубеж. Финансовая война становится всё более горячей.

– Обсудим на следующем коллоквиуме. В настоящее время нас больше беспокоит создание частными компаниями некоторых стран автономных систем вооружения с искусственным интеллектом. Это и китайская «Ляобань», и немецкая «Блицкриг», иранская «Тарма», турецкая «Катик», израильская «Рейтсх», не говоря уже о десятке компаний США, в том числе господина Маска. А ведь случится неминуемая катастрофа, если кто-то первым их применит, а хвалёный ИИ даст сбой.

– Новый израильский беспилотник, – криво улыбнулся Шерстобитов, заместитель начальника Генштаба. – Они назвали его «Нешер».

– «Стервятник», – перевёл Устоев.

– Характеристики действительно впечатляют, хотя дрон и не превосходит нашего «Охотника». Однако управляет он искусственным интеллектом, который сам ищет цели и сам решает, как надо её уничтожить и каким боеприпасом.

– Вот это-то и страшно.

– Ну, мы ненамного отстали, – сухо заметил Брусникин. – К концу года полетит наш «Нетопырь», а он тоже управляемый ИИ и способен превратить любой авианосец в груду металлического лома.

– Товарищи, не уподобляйтесь американскому президенту, объявшему о создании «суперпурпакеты», – поморщился Мараев. – Проблема существует, и её придётся решать. Теперь о главном: о паутине, которую набросили на Россию либералы. Иван Егорович, вам слово.

Директор ФСБ кашлянул в кулак.

– Долго говорить не стану, только самое главное. Все вы прекрасно знаете, где в Питере находится «Отель Гельвеция». Знаете и его специфику. В нём и в самом деле можно снять номер и даже вкусно поесть в ресторане, однако на самом деле это один из самых одиозных центров либеральной пропаганды. В залах отеля, а их целых пять, систематически читают лекции и проводят встречи как наши известные «качатели права человека», истинные русофобы типа Дмитрия Быкова, Сванидзе, Невзорова, Юниса Теймурханлы, Познера, Ройзмана, Екатерины Альбац (кстати, о ней хочется поговорить особо, таких яростных русофобок ещё поискать), Шендеровича, так называемого литературного критика Александра Архангельского, и так далее, и так далее, так и зарубежные гости. Могу перечислить ещё с полсотни имён этой публики, спокойно орудующей под боком властей Санкт-Петербурга.

– Разве такой центр один? – шевельнулся бровью Кикин.

– Разумеется, по стране их насчитывается не один десяток. Не менее мощный окопался в Екатеринбурге – это «Ельцин-центр», настоящая «цитадель свободы», которой руководят дочь Ельцина Татьяна Юмашева и прошедшая спецподготовку в США Дина Сорокина. Кстати, финансируется центр государством, что для меня является вопиющим фактом попу-

стительства! Есть ещё и так называемый Конгресс интеллигенции «Против войны»... что-то там, у него длинное название, телеканал «Дождь», Фонд Егора Гайдара, Вольное историческое общество, Википедия, созданная в США, правозащитное общество «Мемориал», «Новое литературное обозрение»... Да что я перечисляю? Вы и так это знаете. Но я хочу заострить ваше внимание именно на «Отель Гельвеция». Как вы помните, одна из «Невзоровских сред», собирающая немало русофобов всех мастей, была посвящена празднику Победы. Выступая на ней, наш главный «обличитель власти» господин Невзоров объявил, что это «бутафорский праздник» и «способ вратить всему миру», а Бессмертный полк – обязательная часть дикарских культов, посвящённых выкапыванию мертвцев и торжественному проносу их по деревне. Высказался он и о Вечном огне в Кронштадте, на котором жарили шашлык три подонка. По Невзорову, в огне нет ничего священного, и горит он исключительно для пьяных матросов и насильников, вследствие чего его вообще надо погасить. И я хочу спросить вас: доколе мы будем терпеть высказывания этого и других врагов России?! Не пора ли приструнить всю эту свору?! Выгнать их вон из страны к чёртовой матери, пусть лают на нас из-за рубежа!

– Выгнать, – скептически усмехнулся Брусникин. – За ними стоят такие силы и финансы, что даже посмотреть в их сторону страшно.

– Но ведь и жить с ними в одном государстве нельзя! – сказал Мотузов. – А самое отвратительное, что существование такого мерзкого очага радикальной русофобской идеологии в центре Петербурга ни капельки не беспокоит городские власти! Наоборот, они деятельности владельца отеля господина Теймурханлы даже благоприятствуют! Он является аж членом общественного совета Комитета по развитию туризма, входит в Смольный, запанибрана с мэром и губернатором! Иван Егорович, а вам известно, кем финансируются все мероприятия центра, «среды», лекции, так называемые «Диалоги», по сути подрывные призывы?

Козодоев нахмурился.

– Отдел по борьбе с экстремизмом проводил обыски...

– Но ведь никого не посадили? Главные идеологи разрушения России по-прежнему на свободе? И продолжают вещать «либеральные истины» народу? Кстати, успешно вовлекая молодёжь в своё движение. Это уже не «нормальная оппозиция», в которой нуждается власть по признанию президента! Это тянет на государственную измену! По сути, отель является информационным центром той самой гибридной войны, которую ведёт с нами Запад!

– И которую наш МИД постоянно проигрывает, – проворчал Устоев.

– Что вы предлагаете, Николай Николаевич?

– В России благодаря предателям во власти окопался целый легион вражеской пропаганды! Образование, как и культура, тоже находится под их влиянием! Мы же для них быдло! Люди третьего сорта! Разве с этим можно мириться бесконечно?! Предлагаю создать Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию для оценки деятельности либеральных угроз и ликвидации вражеских идеологических центров! Это будет не та ЧК, которую создали большевики, и работать в ней должны люди кристально чистые! Мы уже начали работу по разработке планов Комиссии, однако нужно одобрение всех наших структурных подразделений и реальная историко-информационная поддержка.

Козодоев склонился к уху сидевшего рядом Сивкова и сказал почти неслышно:

– Вашему «Призраку» придётся работать активней.

– Нам нужны люди, – так же тихо ответил Владлен Тимофеевич. – Не обычные люди, я имею в виду, а...

– Слиперы, – закончил директор ФСБ.

Глава 6

Хикикомори по-русски

Японский феномен хикикомори был знаком Нестору давно. Ещё пять лет назад после ухода жены он долго отходил от потрясения, замкнувшись и не допуская даже мысли о новом знакомстве с женщинами. Нет, он не страдал пароксизмом хикикомори, означавшем «нахождение в одиночестве», но с тех пор полюбил уединение, хотя и не полностью соглашался с мнением англичанина Николаса Карра, автора книги «Стеклянные клетки. Автоматизация и мы», в которой писатель утверждал, что «наше время можно считать эрой материального комфорта и технологических чудес, но это также время бесцельности и отчаяния». Карр принадлежал западной цивилизации и реагировал на проблемы своего социума с его мультикультурализмом, Нестор же жил в России, народ которой исповедовал совсем другие принципы – оптимизма, справедливости и надежды, несмотря ни на какие препятствия, веками воздвигаемые перед ним властью.

Не увлекался Нестор и компьютером, почти не влезая в соцсети типа Фейсбука и Одноклассников. Общение с помощью электронных писем или кратких сообщений ему претило, а иногда бесило, когда он попадал в компанию людей, находящихся в одной комнате, но общавшихся при этом по телефону. Цифровые технологии всё больше отдаляли людей друг от друга, и не хотелось думать, что в недалёком будущем, через несколько лет человечество превратится в стадо недумающих баранов, в единую пузыряющуюся испражнениями мысли и тела массу, управляемую теми, кто и затеял цифровизацию и технологический апокалипсис.

За примерами не надо было ходить далеко. Буквально два дня назад Нестор с приятелем Сашей Етоевым зашёл в кафе «Светлячок» и воочию убедился в правильности своих тревог. В кафе был аншлаг, но посетители, в основном молодые, не разговаривали! Не слышалось никакого шума, никакой болтовни и смеха! В зале царила тишина и странная атмосфера праздности и напряжённости, и Нестор горько подумал, мыслят ли все эти люди, невротически углублённые в гаджеты, в себя и свои проблемы, или просто отбывают срок бытия, превратившись в придатки мобильных телефонов и компьютеров.

На ум пришли слова отца, который часто сетовал на изменение социальной жизни страны. «В советские времена, – говорил старший Безоружный (Нестор как-то пытался дознаться у него, откуда у отца такая фамилия, на что Евлампий Калистратович неизменно отвечал: от прародителей, которые были пахарями, и лучше быть Безоружным, чем Безголовым), – мы не жили в раю, но сегодня точно живём в капиталистическом аду!»

Сын вынужден был с ним согласиться, потому что зараза, разъедающая «счастливую демократическую» Европу, пустила корни и в России. Не раз перед глазами молодого нотариуса проявлялся снимок в Интернете, сброшенный сыном известного певца Свеном: молодой парень повернулся вполоборота к фотографу, а у его ног склонилась девица, занимающаяся оральным сексом. Фото наделало много шума в соцсетях, да так и осталось клеймом поколению «пепси», неуклонно скатывающемуся к эпохе «поколения гугл-секса». Нестора же поразила не столько похабщина снимка, а отношение парня к ней: ему было абсолютно плевать на мнение окружающих!

Вечером в субботу после похода за клюковой он проанализировал своё поведение в лесу и сделал два вывода. Первый: он слишком часто начал использовать в быту свои экстраординарные способности, не думая о последствиях, на что стали обращать внимание посторонние люди, и это надо было прекратить. Даже если кому-то требовалась помощь.

Вывод второй: надо научиться оставаться в сознании после прыжка мысли в чужие мозги, чтобы это не было заметно окружающим. По сути, надо было учиться «раздвоению личности»

или расщеплению сознания, оставляя в голове пусть и не всю мысленную личностную структуру, то хотя бы маленький «лепесток ума», который мог бы контролировать тело и не дать ему упасть, когда хозяин переселялся в чужую голову.

Как это сделать, он ещё не знал, но предполагал начать тренировки дома, без свидетелей, чтобы никто не видел, используя живое существо – кота Прошку, чёрно-белого чистокровного норвега с изумрудными глазами, которого он привёз года четыре назад с дачи отца из-под Волоколамска. Пришла мысль и попробовать переселяться не только в других животных, но и в неживые материальные объекты, такие как стол, стул, телевизор или даже в машину. Подумав об этом, он посетовал, что не догадался потренироваться раньше, и решил ближе к ночи провести эксперимент.

Позвонил Стас, которому очень хотелось дознаться, что произошло в березняке во время встречи с гопниками на «Ниве», и Нестор пообещал ему при сохранении происшествия в секрете приоткрыть завесу тайны своих умений. В конце концов, давно назрела потребность поделиться с кем-то опытом создавать сеансы подавления воли и затемнения сознания, которым он владел.

– Подъеду к девятыи, – пообещал Стас. – Ну и как он тебе?

Нестор понял, что речь зашла о муже Ксюши, но всё же переспросил:

– Кто?

– Костя, Ксюшин муж.

– Да никак. Нормальный мужик, хотя и полицай.

Стас хрюкнул, что, наверно, означало смешок.

– А она?

– Нормальная женщина, симпатичная.

Стас не выдержал, засмеялся.

– Дипломат хренов. Она обворожительна! Так похорошела, что я просто в отпаде!

Обидно, что я после школы не предложил ей выйти замуж. А ведь была мысль.

– Хорошая мысля приходит опосля. Хотя ты был тогда совсем пацан.

– Да уж, не до женитьбы было. Кстати, они собираются завтра пойти посмотреть на ралли, предложили и мне. Не хочешь с нами?

Нестор озадаченно почесал затылок.

– Квадратный корень из единицы...

– Чего? – удивился капитан экраноплана.

– Я просто не думал...

– Так подумай, время ещё есть, будет интересно. Жди к девятыи.

Лицо Стаса в очках вижн-мобильника растаяло, и Нестор снял очки. Взял в руки яблоко: он любил сорт «малинка», – присел на диван в задумчивости.

Открытый чемпионат Ивановской губернии по трофи-рейду проходил ежегодно недалеко от Южи и назывался «Южская топь». Обычно его устраивали в середине сентября, независимо от погоды, и участвовали в нем экипажи машин классов от ТР-0 до ТР-3. То есть это были мотоциклы и любые авто, способные преодолевать бездорожье: «Шевро-Нива», «Тайгер», «УАЗ Патриот» и даже «Лада» с укреплённой подвеской. Организовывали соревнования Ивановский внедорожный клуб «Территория 4×4» и Администрация Южского муниципального района. Сборный пункт автомобилистов и болельщиков располагался в деревне Клестово, и, как показали последние чемпионаты, ралли пользовались большим спросом. Лагерь зрителей окружал деревню широким кольцом, насчитывающим едва ли не тысячу машин.

Нестор ни разу не был на соревнованиях, потому что не особенно увлекался вообще какими-то чемпионатами (кроме разве что волейбола, которым занимался в юности), поэтому решил принять предложение Стаса.

Больше часа он пытался «оживить» собой телевизор, включая и выключая настенную консоль и внедряясь в неё, как делал во время выполнения процедур «засоса». Потихоньку начало получаться, хотя ощущения испытал необычные, особенно когда по ТВ шла передача, кто-то что-то вещал, а Нестор в этот момент проникал в его нутро и начинал говорить чужим языком. Но это занятие поглощало много энергии, и после часа «оживления» он отступил.

Отдохнув полчаса и глотнув кофе, приступил к главной тренировке: переселяться в кота, оставляя часть сознания в собственном теле. При первом же «засосе» кот вошёл в ступор, и Нестору с трудом удалось вернуть его в нормальное состояние, предложив сливки.

Второй сеанс прошёл под знаком искреннего изумления маленького хищника (коими коты и являются), не понимающего, что с ним делают. Тем не менее Нестору удалось «разместиться» в пси-сфере кота и заставить его выполнить ряд команд: стать по стойке «смирно», пройтись по комнатам и даже вытянуться на полу в форме стрелы.

Удовлетворённый достигнутыми успехами, молодой человек успокоил ошалевшего от несвойственной для него роли «собаки» Прошку, хотел было продолжить опыты с переселением в домашние предметы, но в это время заявил Стас, и приятели уселись за столик на кухне, где хозяин уже подготовил чайные приборы.

– А теперь колись, – проговорил гость, берясь за свежее брусничное варенье. – Что произошло на болоте? Почему ты упал? С чего это черномордый «джигит» вдруг начал палить по своим?

– В принципе, об этом никто не должен знать, – смущённо проговорил Нестор.

– Само собой. Хотя Ксюша и ейный муженёк всё прекрасно видели.

– Это-то и плохо.

– Так в чём дело?

Нестор пожевал ломтик лимона, не чувствуя его вкуса, и решился на признание.

Говорил он минут пять, рассказав о ДТП, о реанимации, о появлении способности входить в других людей.

– Офигеть! – не сдержал эмоций Стас, недоверчиво разглядывая лицо друга. – Ты и в меня можешь залезть?

Нестор улыбнулся.

– В кого угодно, и в тебя, и в кота, вот перед твоим приходом тренировался.

– Офигеть! – повторил Стас. – А что ты ещё можешь, кроме как выходить из себя?

– Это ты хорошо сказал, – фыркнул Нестор. – Хотя процесс чуть сложнее, чем можно представить. Могу удерживать сердце неподвижным в течение получаса и не терять сознания.

– Класс! Тебе надо заняться поиском сокровищ на затонувших кораблях. Или сбором жемчуга.

– Именно этого мне и не хватало в жизни.

– Ещё?

– Раны заживлять могу. Как-то порезался на кухне, чуть полпальца не отхватил. – Нестор показал левую руку, шевельнул большим пальцем. – Психанул, и кровь перестала течь. А потом и рана затянулась за пару минут. Вот, даже рубца не осталось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.